ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Понедельник, 26 апреля 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (658)

Уроки и выводы

Пять лет, истекшие со времени постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о перестройке литературно-художественных организаций и о ликвидации РАПП, наглядно показали, какой огромный смысл заключался в этом постановлении, как велико было его значение, насколько благотворно было оно для развития советской литературы.

Сейчас уже всякому ясно, чем была в литературе авербаховщина, во что превращала она РАПП. Тайное стало явным, и все события последнего пятилетия наглядно показали, что Авербах и его школка были троцкистской агентурой в нашей литературе.

К 1932 году наша страна добилась огромных успехов в социалистическом строительстве.

К этому же времени относится рост кадров новой интеллигенции из рабочих и крестьян и поворот огромного большинства старой интеллигенции к советской власти, к социализму. Этот процесс происходил и в литературной среде.

РАПП, которая в свое время сыграла значительную роль в собирании сил пролетарской литературы, к 1932 году превратилась в тормоз развития советской литературы, особенно вследствие той гнусной роли, которую играла в РАПП оказавшаяся в ее руководстве авербаховская школка.

В то время как в нашей стране происходил бурный рост социалистического строительства и пролетарской социалистической культуры, Авербах в своих писаниях, представлявших собою смесь троцкизма и невежества, противопоставлял пролетарскую культуру социалистической и отрицал социалистический характер пролетарской культуры.

В то время как беспартийные советские писатели устремлялись к непосредственному участию в нашей жизни, к непосредственному изучению социалистической действительности, Авербах отталкивал их от советской жизни, выдвигая схоластический лозунг «диалектико-материалистического творческого метода», требуя от писателей, чтобы они, прежде чем писать, засели за многолетнюю учебу, отложив творчество, отражение жизни до тех пор, пока они не овладеют этим изобретенным им схоластическим «методом».

В то время как в среде старой писательской интеллигенции происходил важнейший политический перелом и все большее число писателей проникалось глубоким интересом к социалистическому строительству, активно становилось на сторону социализма, Авербах, выдвигая лозунг «союзник или враг», стремился расколоть беспартийных писателей, натравить их друг на друга, затруднить их слияние в единую семью советских писателей.

В то время как остатки разгромленных классовых врагов внутри Советского Союза становились все свирепее и кровожаднее и все более ожесточались в своем сопротивлении победоносному социалистическому строительству, в это время Авербах со своей троцкистской школкой выдвигал лозунг «за живого человека», призывая показывать «доброе в злом» и пролагая этим путь гнилому буржуазному гуманизму в изображении классового врага, и призывал искать «злое в добром», пролагая путь клевете на большевиков. В популяризации этой гнилой и вредной «теории» немало постарались Киршон и Афиногенов.

Немало подобных лозунгов и «теорий» выдвигал и насаждал Авербах с помощью Макарьева, Мазнина, Грудской, Карева и других закоренелых троцкистов, врагов народа, обнаглевших до того, что они пытались противопоставить линии партии в литературе «генеральную линию РАПП».

Авербах привел РАПП в тупик групповщины, кружковой замкнутости, сектантской ограниченности, к отрыву от практики социалистического строительства.

Мудрое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., принятое по инициативе товарища Сталина, положило конец этому нетерпимому положению, сломало узкие рамки РАПП, ВОАПП, РАМП и других подобных организаций и открыло широкий простор развитию советской литературы и искусства. Постановление ЦК ВКП(б) дало директиву «об'единить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем».

Авербах и его присные, несмотря на отчаянное сопротивление, были решительно отстранены от участия в руководстве литературой.

Истекшие пять лет показали большой рост советской литературы. Значительное количество ценных художественных произведений создано советскими писателями именно за это время. Материалы, печатаемые в сегодняшнем номере нашей газеты, статья М. Серебрянского «Советская литература за пять лет», опубликованная в «Правде» 23 апреля с. г., перечисляют десятки художественных произведений, созданных литераторами Советского Союза, именно благодаря той творческой атмосфере, которую обеспечило создание единого союза советских писателей. Подобный же рост мы наблюдаем и в других областях искусства, — в музыке, театре, живописи, скульптуре, архитектуре.

Значит ли это, что в нашей литературе за эти пять лет все проходило гладко и благополучно и что можно уже почить на лаврах? Отнюдь нет. История этого пятилетия показала, что идеологический фронт, и в частности литература и искусство, был и остается тем участком, на котором необходима сугубая большевистская бдительность, участком, на котором пытается угнездиться и пустить корни классовый враг.

Между тем в литературе мы видим немало фактов притупления большевистской бдительности. До самого последнего времени «Новый мир» печатал пошлые, бездарные и контрреволюционные произведения. В нем подвизался презренный зиновьевский бандит Пикель, фашистские агенты П. Васильев и И. Макаров.

Недавно закрытый журнал «Театр и драматургия» послужил ареной тому же Пикелю, подхалимствующему перед «драматургическим начальством», Зонину и др.

Троцкистские ублюдки под видом писателей и критиков порою проникали и на страницы других литературно-художественных журналов. Враги народа проникали в руководящие органы союза советских писателей на местах: в Ленинграде, Армении, Грузии, на Украине, в Белоруссии и т. д. В партийной организации московских писателей уже после проверки и обмена партдокументов было разоблачено и исключено из партии 14 человек троцкистов, их пособников и чуждых партии элементов.

Все эти факты требуют от писательских организаций усиления большевистской бдительности, тщательной проверки литературных кадров, всемерного развития советской демократии, большевистской самокритики, не взирая на лица, чтобы обеспечить такую атмосферу, такую обстановку, в которой бы ни одна антисоветская гадина не могла укрыться от взора литературной общественности.

Союзу советских писателей необходимо далее вплотную взяться за настоящую деловую организацию творческой работы. Творческое соревнование писателей, большевистская взаимная критика, чуждая подхалимства и славословия, критика, которая смотрит прежде всего на само произведение и в своей оценке руководится не именем, которым произведение подписано, а его идейным и художественным качеством,—вот что, как воздух, необходимо нашей литературной среде. Тогда не смогут повторяться такие факты, когда подлинно народная книга Николая Островского «Как закалялась сталь» пробивалась к читателю через бюрократические рогатки, отвергаемая закоснелыми издательскими работниками, а в то же время «Похождения факира» Всев. Иванова, роман, признанный впоследствии плохим даже самим его автором, услужливо издавался сразу в двух издательствах, да еще массовым тиражом.

При беспристрастной и безбоязненной критике, чуждой всякой кон'юнктурщины, станет невозможной та беспринципная групповщина, которая еще имеет у нас иногда место, в которой, как рыба в воде, чувствуют себя проходимцы, авантюристы и прямые враги народа из троцкистско-зиновьевских убийц.

Нам нужна высокопринципиальная большевистская критика. За повышение идейного уровня и принципиальности наших критических кадров союз советских писателей должен крепко бороться. Такая критика в повышении идейного и художественного уровня литературы, в большевистском воспитании писателей имеет первостепенное значение, и критические кадры для этой работы должны быть во всеоружии.

Перед советской литературой стоит задача создать произведения, которые по своему содержанию и художественности были бы достойны нашей социалистической эпохи, явились бы воплощением той великой созидательной социалистической работы, той героической борьбы, которую великий советский народ ведет за торжество коммунизма.

Этой задачи нельзя решить без упорной творческой работы, без глубокой личной заинтересованности в великих делах социализма. Писатели должны жить одной жизнью с породившим и выдвинувшим их народом.

Не могут создать мировых произведений искусства люди, которые, утратив живую связь с действительностью, уныло роются в пустоте собственного мелкого существования.

Творческой животворящей силой обладает только такое искусство, которое живет передовыми идеями своей эпохи и кровно связано с борьбой народов за социализм.

Наша социалистическая эпоха открывает художнику небывалые, невиданные возможности, предсказанные еще основоположниками марксизма. У нас есть все условия для творческой работы, для создания замечательных произведений всемирно-исторического значения.

Советские писатели до сих пор еще не реализовали эти имеющиеся у них возможности. Союз советских писателей еще не сделал всего необходимого для осуществления задач, поставленных перед ним в решении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

Повышение большевистской бдительности, очищение от враждебных и чуждых элементов, развитие критики и самокритики на основе советской демократии, большевистское воспитание кадров, борьба за овладение большевизмом—вот задачи, которые стоят перед союзом советских писателей. В их выполнении—ключ к колоссальным творческим победам, которые будут достигнуты. Порукой этому — успехи советской литературы за истекшее пятилетие, успехи, достигнутые на основе мудрого сталинского решения ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций.

Лозунги к 1 Мая 1937 года

1. Да здравствует 1-е Мая — боевой смотр революционных сил международного пролетариата!
2. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Становитесь под знамена Коммунистического Интернационала!
3. Да здравствует социалистическая революция во всем мире!
4. Братьям по классу, жертвам фашистского террора, узникам капитализма в день 1 Мая наш пролетарский привет!
5. Фашизм — это террористическая политика капиталистов и помещиков против рабочих и крестьян. Фашизм — это захватническая война. Фашизм — это натравливание народов друг на друга. Мобилизуем силы на борьбу с фашизмом!
6. Рабочие, работницы, крестьяне и трудящиеся всех стран! Расширяйте и укрепляйте народный фронт борьбы против фашизма и войны. За мир, за демократические свободы, за социализм!
7. Братский привет рабочим Испании, ведущим героическую борьбу против фашизма и иностранных интервентов. Да здравствует народный фронт в Испании! Долой явных и скрытых врагов народного фронта!
8. Большевистский привет революционным пролетариям Германии. Да здравствует героическая коммунистическая партия Германии! Да здравствует товарищ Тельман!
9. «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны» (Сталин).
10. Да здравствует наша родная, непобедимая Красная Армия — могучий оплот мирного труда народов СССР, верный страж завоеваний Великой Октябрьской Революции!
11. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР!
12. Боевой привет молодым бойцам Красной Армии, присягающим 1-го Мая на верность советской власти, на верность нашей великой социалистической родине!
13. Привет бойцам пограничникам, зорким часовым советских границ!
14. Пусть растет и крепнет, пусть овладевает техникой и закаляется наша родная, могучая Красная Армия!
15. Да здравствуют советские летчики — гордые соколы нашей социалистической родины!
16. Да здравствует новая Конституция СССР, Конституция победившего социализма и подлинного демократизма!
17. Да здравствует союз рабочих и крестьян — основа советской власти!
18. Да здравствует братский союз и великая дружба народов СССР!
19. Укрепим диктатуру рабочего класса СССР — государственное руководство рабочего класса всем нашим обществом!
20. Многомиллионной армии ударников и ударниц промышленности и транспорта, стахановцам, знатным людям нашей страны, большевистский привет!
21. Добьемся выполнения и перевыполнения хозяйственного плана 1937 года — двадцатого года Великой пролетарской социалистической революции!
22. Привет работникам промышленности и железнодорожного транспорта, досрочно выполнившим второй пятилетний план!
23. Поднимем культурно-технический уровень рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда!
24. Привет стахановцам социалистических полей, по-большевистски выполняющим план весеннего сева!
25. Колхозники и колхозницы, агрономы и работники совхозов! Боритесь за образцовое завершение весеннего сева и высокий урожай!
26. Шире развернем критику и самокритику наших недостатков! Еще больше укрепим мощь социалистического государства рабочих и крестьян!
27. По-большевистски подготовимся к выборам в советы, улучшим работу советов, окружим их новыми слоями актива рабочих, крестьян, интеллигенции!
28. «Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс, — вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства» (Сталин).
29. Привет работникам науки и техники, искусства и литературы, честно выполняющим свой долг перед советской родиной!
30. Да здравствует равноправная женщина СССР, активная участница в управлении государством, в управлении хозяйственными и культурными делами страны!
31. Вырастим здоровых, жизнерадостных советских детей, преданных своей родине!
32. Пионеры и пионерки, овладевайте знаниями и учитесь стать борцами за дело Ленина!
33. Славным физкультурникам и физкультурницам советской страны — первомайский привет!
34. Да здравствует комсомольское племя — могучий резерв и надежный помощник большевистской партии! Да здравствует трудящаяся молодежь нашей родины!
35. Усилим революционную бдительность! Покончим с политической беспечностью в нашей среде!
36. Разоблачим до конца всех и всяких двурушников! Превратим нашу партию в неприступную крепость большевизма!
37. Искореним врагов народа, японо-германо-троцкистских вредителей и шпионов! Смерть изменникам родины!
38. Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) — передовой отряд трудящихся СССР!
39. Да здравствует Коммунистический Интернационал — руководитель и организатор борьбы против войны, фашизма и капитализма! Да здравствует коммунизм!
40. Да здравствует великое непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина! Да здравствует ленинизм!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ССП СССР

Вчера вечером на заседании президиума ССП был обсужден вопрос о положении в литературной организации Чувашии. (См. «Литгазету», сегодняшний номер, стр. 5).

С докладом выступил председатель Союза писателей Чувашии тов. Данилов, с содокладом старший инструктор ССП СССР тов. Аршаруни, обследовавший положение на месте.

В прениях выступили тт. Золотов, Кузнецов (Чувашия), Н. Погодин, П. Панч (Украина), И. Фефер и др.

На этом же заседании было принято постановление о книге поэта Вл. Луговского, печатаемое ниже.

О книге поэта В. Луговского

Постановление Президиума Правления Союза Советских Писателей 25 апреля 1937 г.

Президиум Правления Союза Советских Писателей считает, что поэт Вл. Луговской допустил крупную ошибку, некритически подходя к переизданию старых своих произведений. В результате — в «однотомник» и сборник «избранных стихов», вышедшие в 1935 г. в Гослитиздате, оказались включенными стихотворения, политически вредные. Так, в стихотворении «Дорога», опубликованном в обоих сборниках и затрагивающем тему родины, тов. Луговской пишет: —

И нет еще страны на зеленой
земле,
Где мог бы я сыном
пристроиться.
И глухо стучащее сердце мое
С рожденья в рабы ей продано.
Мне страшно назвать даже
имя ее —
Свирепое имя родины.

В стихотворении «Жестокое пробуждение», говоря о «стране духа русского снега и русской природы», поэт дает совершенно недвусмысленные строки:

Уходят калоши идущих
на службу,
В мозгу зачинается новый
зародыш,
Не я тебя предал, не я тебя
няньчил,
Не я тебя славил стихом
благородным:
— Будь проклят
после
ныне
и раньше
Дух страшного снега и страшной
природы.

В стихотворении «Повесть» тот же враждебный мотив.

...Деревни, как чертовы очи.
И страшная русская злая земля
Отчаяньем сердце точит.

Поэт В. Луговской в своих стихотворениях последних лет и особенно после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о ликвидации РАПП и перестройке литорганизаций показывает, что он отбросил свойственные ему в прошлом классово враждебные представления. Но тем более недопустимо было переиздавать стихотворения, в которых отражены эти классово враждебные настроения.

Президиум Правления ССП осуждает этот поступок Луговского и ждет от него признания ошибки и исправления ее.

На ряду с этим Президиум Правления ССП осуждает практику поэтической секции, в течение двух лет ни разу не обсудившей книг В. Луговского.

Абсолютно нетерпима и практика критических органов Союза Советских Писателей: «Литгазеты», «Литкритика» и «Литобозрения», прошедших мимо книг В. Луговского с отмеченными стихами.

Особо следует подчеркнуть, что зам. редактора «Литгазеты» Плиоко редактировал сборник «Избранные стихи» и пропустил вредные стихи, сопроводив сборник аллилуйским предисловием.

Президиум Правления ССП считает необходимым появление критических статей о сборниках т. В. Луговского. Президиум принимает к сведению сообщение тов. Вс. Вишневского о том, что в журнале «Знамя» будет помещена обстоятельная статья-ответ В. Луговского.

Наконец, Президиум Правления ССП предлагает всем своим организациям обсудить это постановление и сделать из него все необходимые выводы.

Навстречу 1 мая

Партиздат выпустил сборник статей, речей, листовок, проектов статей и рефератов Ленина о великом пролетарском празднике. В сборник входят все работы, написанные гениальным вождем мирового пролетариата, начиная с 1901 года и кончая последней статьей 1920 года, посвященной всероссийскому субботнику-маевке.

Тираж сборника — 50 тысяч экземпляров.

*

Гослитиздат выпускает «молнией» сборник советских песен.

В сборник вошли: «Интернационал», «Варшавянка», «Песня о Сталине» М. Рыльского, «Песня про Кирова» Павло Тычины, «Песня о Серго» С. Третьякова, «Песня о родине», «Ну, как не запеть», «Марш веселых ребят» поэта-орденоносца В. Лебедева-Кумача, «Возьмем винтовки новые» Вл. Маяковского, песни М. Голодного, Н. Асеева, А. Суркова, Л. Квитко, а также испанских поэтов: П. Гальотте—«Мы идем» и Луис де-Тапиа—«В атаку, пятый полк!» и «Стальные колонны».

«Слово о полку Игореве»

Выставка в Ленинграде

Литературно-лингвистический институт открыл **выставку, посвященную 750-летию «Слова о полку Игореве».**

Две книги занимают центральную витрину выставки.

На пожелтевшем титульном листе одной из них напечатано: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князь Новгорода-Северского Игоря Святославовича, писанная старинным русским языком на исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие».

Это — редкий экземпляр первого печатного издания «Слова», вышедшего в 1800 г.; большая часть экземпляров этого издания сгорела во время московского пожара в 1812 г. вместе с древнейшей рукописью гениального произведения старинного русского эпоса.

Вторая книга в той же витрине— огромный том, сверкающий яркими красками чудесных иллюстраций палехского художника И. Голикова.

Это — последнее издание «Слова», вышедшее несколько лет назад в издательстве «Academia».

Эти две книги как бы начинают и завершают выставку.

Насчитывается **70** научных изданий «Слова о полку Игореве» и около **750** научных исследований. Конечно, всю эту огромную литературу выставка не охватывает. Но если учесть, что это — **первая** выставка, посвященная «Слову о полку Игореве», а создана она по инициативе студента 3-го курса литфака **В. Малышева**, располагающего лишь фондами двух библиотек (университета и Литературно-лингвистического института), выставку надо признать достаточно интересной.

Посетитель найдет в выставочных витринах много редких изданий «Слова», основные научно-исследовательские работы о великом памятнике древней русской литературы, в том числе и первое исследование Н. Граматина, изданное в 1823 г.

Большой раздел выставки составляют стихотворные переводы и вольные переложения «Слова о полку Игореве», сделанные многими поколениями поэтов.

Среди других материалов здесь имеется белорусский перевод «Слова», сделанный **Янкой Купалой** и напечатанный в 1921 г. в минском журнале «Вольны сьцяг».

«Слово о полку Игореве» переведено на многие иностранные языки: французский, английский, немецкий, венгерский, шведский, болгарский, сербский, польский, чешский и др.

На выставке показано первое заграничное издание «Слова», вышедшее в 1811 г. в Праге на немецком языке.

Особый раздел посвящен «Слову о полку Игореве» в искусстве.

Здесь главным образом собраны материалы, связанные с оперой «Князь Игорь»: либретто, клавиры, эскизы декораций.

В день открытия выставки состоялось научное собрание. С докладами выступили проф. **Кудряшев** и проф. **Никифоров**, доклад которого носил остро дискуссионный характер.

В научном заседании приняли участие акад. **Орлов**, проф. **Пиксанов**, проф. **Яковлев**, преподаватели и студенты института.

РЕСТ

Большая творческая победа МХАТ СССР им. Горького

На премьере «Анны Карениной» присутствовали товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов

21 апреля Московский Художественный Академический театр СССР им. Горького показал премьеру спектакля «Анна Каренина» по роману Л. Н. Толстого (инсценировка Н. Д. Волкова).

Спектакль захватил зрителей: замечательные актеры — заслуженные артисты РСФСР А. К. Тарасова и Н. П. Хмелев потрясли своей вдохновенной игрой и глубиной переживаний. Глядя на Тарасову — Каренину, зрители с предельной ясностью видели и переживали трагедию русской женщины, раздавленной невыносимой тяжестью собственнического строя. Игра Хмелева поднимала ненависть к Каренину, который выведен в гениальном творении Толстого как олицетворение всей мерзости реакционной, бюрократической России и лицемерия церковной морали.

Успех премьеры был исключительный. Присутствовавшие на спектакле товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов горячо аплодировали вместе со всем залом.

По окончании спектакля в зале долго не стихали бурные овации. Публика неоднократно вызывала постановщиков — В. И. Немировича-Данченко и В. Г. Сахновского, автора инсценировки Н. Д. Волкова, восторженно рукоплескала А. К. Тарасовой, Н. П. Хмелеву и всему актерскому коллективу.

Московский Художественный Академический театр СССР им. Горького одержал большую творческую победу. Бережно сохранив основные психологические линии романа Толстого, режиссура — народный артист Союза ССР В. И. Немирович-Данченко и В. Г. Сахновский — создала блестящий, волнующий спектакль, который является торжеством реалистического искусства. (ТАСС)

Ко всем организациям ССП

В связи с постановлением правительства от 14 февраля с. г. об организации в Москве при Институте литературы им. А. М. Горького архива и музея А. М. Горького, секретариат союза советских писателей и дирекция **Института обращаются ко всем** организациям союза, ко всей литературной общественности и ко всем членам союза с просьбой принять активное участие в деле создания музея и архива великого писателя.

Секретариат союза советских писателей и Институт литературы им. А. М. Горького заинтересованы в том, чтобы в музее и архиве Алексея Максимовича Горького были наиболее полно и исчерпывающе отражены вся его многогранная жизнь и деятельность и его гениальное творчество.

Необходима общественная товарищеская помощь, необходимо активное содействие всей литературной общественности.

Для этого секретариат предлагает организациям, с привлечением писательского актива, выявить все находящиеся в учреждениях, общественных организациях, издательствах, а также у отдельных литераторов и лиц, знавших А. М. Горького, документальные материалы (рукописи, письма А. М. Горького, рукописи других авторов с правками А. М. Горького, автографы, фотографии, иллюстрации, редкие и старые издания сочинений А. М. Горького и другие материалы об А. М. Горьком) и передать их в Институт литературы для музея и архива Горького.

Всем лицам, передавшим в Институт письма и автографы А. М. Горького, обеспечиваются фотокопии.

Вместе с этим секретариат обращается к товарищам, которые лично знали А. М. Горького, с просьбой написать свои воспоминания и высказать конкретные пожелания по организации музея и архива А. М. Горького.

По всем вопросам, связанным с передачей материала, следует обращаться по адресу: **Москва, Москворецкая ул., д. 11, Институт литературы им. А. М. Горького.**

Секретарь союза советских писателей СТАВСКИЙ.

Директор Института литературы им. А. М. Горького ЛУППОЛ.

1.200.000 посетителей

В музее В. И. Ленина

15 мая исполняется год со дня открытия Центрального Музея В. И. Ленина, собравшего в своих 22 залах богатейшие материалы по истории большевистской партии и биографии великого вождя трудящихся. Музей завоевал широчайшую популярность во всех уголках Советского Союза.

Со дня его открытия, т. е. с 15 мая прошлого года, музей посетило около **1.200 тысяч** человек. Цифра исключительная в музейной практике.

Из самых отдаленных окраин нашей страны в Москву приезжают экскурсии и одиночки.

Партработники, пропагандисты, комсомольцы, хозяйственники, инженеры, ученые. Это не праздные туристы. Внимательно и серьезно обходят они все огромные залы, вооруженные блокнотами и карандашами, записывая интересующие их факты, даты, фамилии.

Тысячи искренних друзей обращаются с предложениями о присылке экспонатов.

Дети проявляют огромный интерес к музею. Они шлют письма с просьбой рассказать о музее. **Почему бы нашим детским писателям не написать хорошую занимательную книгу, а Детиздату ее не издать?**

Советскими писателями также еще не разрешена великая задача — запечатлеть в высокохудожественной форме образ гениального вождя трудящихся и угнетенных всего мира.

Тем мастерам пера, которые поставили бы перед собой эту ответственнейшую творческую задачу, музей Ленина всегда готов притти на помощь.

Л. ЗОРИН.

«Волга идет в Москву»

В ближайшие дни будет открыт канал Волга—Москва — грандиознейшее гидротехническое сооружение, построенное в такие рекордные сроки, о которых не могут мечтать даже самые передовые по технике капиталистические страны.

Этой колоссальной победы мы сумели добиться только благодаря мощной индустрии социализма, которая вооружила строителей канала всем богатством современной строительной техники.

Канал Москва—Волга создает прямой судоходный путь, соединяющий Москва-реку с Волгой, обеспечивает полное бесперебойное снабжение столицы питьевой водой и превращает Москва-реку в глубоководную магистраль, связанную с крупнейшими водными путями страны.

Разрешена, таким образом, историческая проблема огромного народнохозяйственного значения для нашей великой социалистической родины, где великие народы созидают под руководством партии большевиков во главе с т. Сталиным замечательную жизнь на земле.

Попытки сооружения каналов и самое строительство их в старой России имеют свою многовековую историю. Так, например, еще при Петре Первом голландский адмирал Корнелий Крейс пытался соединить Волгу с Доном. Но проект этот осуществлен не был.

Несколько позже англичанин Джон Пэри предложил Петру Первому перенести строительство канала значительно севернее и соединить уже не Волгу, а Оку — с Доном, использовав для этого Ивановское озеро. В 1707 году канал был построен. Через его 20 шлюзов прошло 300 судов. Но тем «дело и закончилось».

Вскоре каменные шлюзы развалились, канал зарос осокой и ряской.

Не более успешной была постройка канала между Сестрой — притоком реки Дубны, впадающей в Волгу, и Истрой, притоком Москва-реки.

Работы эти начались в 1826 году и тянулись 25 лет.

За это время было построено 33 каменных шлюза и прорыт канал в восемь с половиной километров. Но и этот канал существовал недолго. Его значение затмила Николаевская, ныне Октябрьская, железная дорога.

Москва-река была как бы черной лестницей купеческой Москвы. Миллионный город выносил сюда свой мусор, сваливал грязь, спускал сточные нечистоты и пил отравленную воду из реки.

Новая, советская Москва не могла мириться с прежним положением. Столица Страны советов требовала решительного изменения всего водного баланса. Были осуществлены колоссальные работы по расширению водопроводной сети Москвы. Во много раз увеличено снабжение населения водой.

Но всей задачи это не решало.

И вот в 1931 году июньский пленум Центрального Комитета партии постановил:

«...коренным образом разрешить задачу обводнения Москва-реки путем соединения ее с верховьем р. Волги...».

Эти короткие скупые строки постановления предлагали повернуть Волгу к Москве, раз навсегда ликвидировать водяной голод столицы и превратить ее в портовый город.

Славная история канала Москва—Волга подробно рассказана в книге П. И. Лопатина «Волга идет в Москву», которую выпускает на-днях издательство «Московский рабочий».

В своей книге П. И. Лопатин много внимания уделяет людям, строителям канала.

П. ЮДИН

ПЯТИЛЕТИЕ РЕШЕНИЯ ЦК ВКП(б) О ПЕРЕСТРОЙКЕ РАБОТЫ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Что выражало решение ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций?

Решение ЦК партии о ликвидации РАПП было воспринято в свое время не только писателями, но и самыми широкими советскими кругами с огромным удовлетворением, и вызвало исключительный интерес советской общественности.

Решение о ликвидации РАПП на первый взгляд является как бы частным вопросом, касающимся жизни литературной организации, но на самом деле оно имело большое значение для развития художественного творчества в Советском Союзе и для всего культурного развития Советского Союза.

Решение ЦК формулировало в очень яркой форме те процессы, которые проходили в то время среди различных слоев нашей советской интеллигенции. И это решение подводило итоги развитию в области культуры, в особенности в области художественного творчества.

Как известно, революция наша подняла к творческой деятельности огромные народные массы. Но первые годы существования советской власти были связаны с очень трудными процессами выращивания различных специалистов, выращивания культурных, творческих кадров во всех областях техники, экономики, государственной деятельности, в области науки, искусства и т. д.

Одно из принципиальных и коренных отличий буржуазной революции от социалистической состоит в том, что буржуазная революция застает в основном готовыми и экономический уклад, который сложился в недрах феодализма, и кадры нового буржуазного общества. Социалистическая революция не застает готовыми ни экономический уклад, ни кадры нового экономического строя. Лишь с захватом власти пролетариатом создается новый экономический уклад и в основном вырабатываются кадры во всех областях — экономической, государственной и культурной деятельности.

Потребовалось, следовательно, полтора десятка лет, пока в нашей стране сложился экономический фундамент нового общественного устройства, сложились, выросли и оформились кадры, деятели, выращенные новым общественным строем—именно социализмом.

С другой стороны, эти годы потребовались и для того, чтобы старые культурные кадры, которые к моменту революции были уже сформированы идейно и творчески, перестроились, срослись с интересами революции, чтобы интересы нового общественного строя стали их интересами, их делом.

Вот этот процесс как раз относится к 30-м годам. И решение ЦК партии о ликвидации РАПП нельзя рассматривать только с той точки зрения, что руководство этой организации, во главе которой стоял Авербах (которому я в дальнейшем посвящу несколько «теплых» слов), не справилось с задачами, стоящими перед об'единением писателей.

Решение ЦК выражало огромные сдвиги и в области экономической, и в области культурной, и в области идеологической.

Особая пролетарская организация в области культуры, которая подчеркивала бы свое пролетарское мировоззрение, свою пролетарскую природу, свою направленность в отличие от других организаций, от других кадров, к 30-м годам стала излишней. Существование такой особой пролетарской организации в области художественного творчества стало явным тормозом. И создалась такая обстановка, что писатели, не принадлежавшие к РАПП, но вместе с тем доказавшие и своими художественными произведениями, и своей общественной деятельностью, что они за советскую власть, за социализм, писатели, которые в то же время по тем или иным мотивам (творческим, организационным, по личным симпатиям, и т. д.) не принадлежали к РАПП, — эти писатели отодвигались как бы в сторону от большой дороги культурного развития нашей страны. Рапповцы смотрели на такого писателя, как на человека неполноценного с советской точки зрения.

Таким образом, стало очевидным и бесспорным с точки зрения общего положения в стране, с точки зрения общесоветского движения к социализму и перевоспитания людей, что такое дробление культурных организаций и выделение пролетарских писателей в особый отряд стало ненужно. Очевидность и ясность этого подчеркивалась тем обстоятельством, что РАПП за последний период своей деятельности наделал необыкновенно много ошибок.

Чем была организация РАПП и чем, главным образом, были некоторые ее руководители, некоторое ее крыло? Я беру авербаховскую группу, к которой отношу Авербаха, Киршона, Бруно Ясенского, Корабельникова и целый ряд других, — кто побольше, кто поменьше. Это — центральное ядро группы. Я уже не говорю об Иване Макарьеве, Мазнине и т. д. Это — конченные люди.

Если взять эту группу и главного ее идеолога и организатора — Авербаха, то итог такой, что к настоящему времени эта группа, это направление в литературе и в литературной политике потерпело крах. Разоблачена эта группа политически и литературно, и организационно до конца и во всех отношениях.

С авербаховщиной, как с политическим течением в литературе, должно быть покончено навсегда. Авербаховщина вредна, враждебна духу социализма. Это течение в литературе враждебно до конца **(аплодисменты)** и оно должно быть разоблачено во всех областях. В авербаховщину должен быть забит осиновый кол.

Агентура троцкизма в литературе

Если сравнить то, что было в литературе, с другими участками идеологического фронта, то мы найдем много общего и родственного. Возьмите среди историков такую группу троцкистов, как Фридлянд, Ванаг, Дубровский и целый ряд других. В области философии была группа, представленная меньшевиствующим идеализмом, это группа Деборина, Карева, Стэна, Подволоцкого и других. Среди правовиков было течение, представляемое Пашуканисом.

Общее между всеми этими группами деборинцев, авербаховцев, пашуканисовцев было то, что все они в основе своей были глубоко враждебны социализму. Политическим эквивалентом этих течений является троцкизм. Это троцкизм, примененный и к области истории, и к области литературы, и к области философии, и к области права. Троцкизм со всем его нутром — гнилым, враждебным социализму.

Основным тезисом авербаховцев в области литературы был тезис о культуре пролетарской и культуре социалистической. Авербах во многих своих речах, статьях и брошюрах всегда исходил из того, что строящаяся в СССР культура не является социалистической. Эти положения от начала до конца троцкистские, ими отрицался социалистический характер нашей культуры. Троцкизм отрицал социалистический характер всего нашего строительства, в том числе и культуры.

Социализм создается в упорной и ожесточенной борьбе. Шаг за шагом завоевываются в этой борьбе позиции социализма и только троцкисты могли отстаивать положение, что пролетарская культура, пролетарская литература по своему существу не являются социалистическими.

Авербах последовательно проводил троцкистскую линию и именно из авербаховского троцкистского непризнания социалистического характера культуры и литературы вытекал этот тезис «союзник или враг», который означал внесение в среду советских писателей вражды, чтобы поссорить, натравить одну группу советских писателей на другую, создать такие условия для писателей, создать такие между ними взаимоотношения, при которых творческая жизнь и работа на пользу социализма была бы крайне затруднена и ставились бы палки в колеса литературного движения вперед.

Целая система лозунгов, выдвигавшихся Авербахом и его компанией, в совокупности своей представляют выражение троцкизма в литературе, троцкистского отрицания возможности создания социалистической литературы, социалистической культуры. Именно из этого исходили Авербах и его оруженосцы в литературной практике того времени.

Некоторые товарищи скажут: как же так, в РАПП были все же люди не только типа Авербаха, не только ярые, неисправимые троцкисты, но и честные, порядочные советские, партийные люди и не вся же работа РАПП носила троцкистский характер, не на протяжении всех этапов. Конечно, это так! Я беру крайнее выражение отрицательных сторон в литературной деятельности РАПП, выраженное в авербаховщине. Но наряду с этим, особенно в первый период РАПП проводила положительную работу, необходимую для развития и роста советской социалистической культуры и социалистической литературы. В РАПП были люди глубоко партийные, советские, целиком работавшие в интересах социализма и ни в какой мере не связанные с этой деятельностью Авербаха и его группы.

Мы знаем, что именно подавляющее большинство участников РАПП были люди советские, были именно людьми партийными, и только незначительная часть **верхушки** РАПП, не вся верхушка, а **незначительная часть** верхушки РАПП представляла то течение, о котором я говорю.

Сколько всяких пошлостей было наговорено этими людьми!

Большинство из вас прекрасно помнит, как вдруг с необычайным апломбом был провозглашен рапповский лозунг о том, что для того, чтобы подлинно по-советски писать, писатель должен писать по методам диалектического материализма.

Но что же это за «диалектико-материалистический творческий метод в литературе»?

Когда авторы этого лозунга стали раз'яснять его, то нагородили столько несусветной чепухи, столько вздора, что никто, даже сами авторы лозунга о «диалектико-материалистическом творческом методе в литературе» ничего не могли понять. Да и нельзя здесь ничего понять! Эту теорию могли выдумать только люди, глубоко чуждые самому духу диалектики, глубоко чуждые самому духу литературы, люди, ничего не понимающие ни в диалектике, ни в литературе.

Именно философия марксизма, в ее применении к художественному творчеству, диалектический материализм в применении к литературе, к искусству, опровергает эти «теории». В высказываниях самих классиков марксизма-ленинизма с неоспоримой ясностью на протяжении всей истории марксизма доказано, что только марксизм, именно марксистское мировоззрение предоставляет безграничные возможности художественного творчества, что именно марксизм чужд всякого схематизма, заранее придуманных и навязанных художнику догм, схем, рецептов и т. д.

Крайне странное впечатление производила теоретическая сторона деятельности авербаховской группы. Мировоззрение и теоретические взгляды этих «теоретиков» были составлены из окрошки самых разнообразных теорий, самых разнообразных школ. У них уживались вместе вульгарный социологизм, грубый механический материализм с самым чистопробным суб'ективным идеализмом. Достаточно привести следующий пример.

Авербах в своей книжке «Спорные вопросы культурной революции» посвящает одну главу так называемым регулятивным идеям. Он выдвигает здесь мысль, что в основе всего художественного творчества должны лежать регулятивные идеи. Человек, немного знакомый с социологией и философией, хотя бы конца XIX и начала XX веков, сразу вспомнит, что эти регулятивные идеи идут из школы Авенариуса — Маха, через Богданова и через Бухарина. Это только один из многих примеров. Но, кроме того, Авербах и его школа обнаруживали явное невежество в элементарных вопросах. Это невежество, поразительное невежество, принципиально враждебное отношение ко всякой науке, ко всякой культуре, органическое нежелание хотя бы в элементарных пределах ознакомиться и изучить ту или иную науку, приводило к тому, что так называемые теоретические взгляды Авербаха и его подручных составлялись из самых разнообразных обрывков, самых разнообразных теорий. Вдруг, ни с того, ни с сего, появляется чистое бергсонианство, вдруг, ни с того ни с сего, появляется вульгарнейший материализм, потом — чистая деборинщина, и все это свалено в одну кучу, причем люди не стеснялись тем, что вчера это выдавалось за одно, а сегодня за другое. К чему это приводило в литературе и на практике?

Одной из попыток применения этого метода в литературе была тогда книжка Либединского «Рождение героя». Тов. Либединский (который честно и по-настоящему ушел от авербаховщины) пытался на основе этой теоретической каши показать: вот как надо писать по методу диалектического материализма. Что из этого вышло, мы все знаем.

Попытка воскресить «рапповские времена»

В дальнейшем Афиногенов и Киршон пытались по-своему продолжить эти рапповские традиции. Афиногенов пытался претендовать в свое время на теоретика. Его книжка о творческом методе театра представляет собой невообразимую чушь. И Киршон и Афиногенов сформулировали свои творческие позиции, обнаруживающие, что эти люди знакомы с марксизмом только по цитатам.

У Энгельса, как вы знаете, есть знаменитое положение о типических условиях и типических характерах. Афиногенов и Киршон берут последнюю часть положения Энгельса и говорят, что в наших условиях главное, это создать типичный характер, а типичная обстановка дана нам сама по себе и о ней нечего писать. Это — разрыв с основами марксизма. Типичный характер должен быть дан в типичной обстановке. Этого нет у Киршона и Афиногенова. Ведь для того, чтобы изучить типичную обстановку требуется и желание, и умение, и страсть, а так как этого им не хочется и некогда, потому что это связано с очень трудной упорной работой, то они выдвигали теоретическое обоснование этой лени. Изучение действительности и отражение ее считали для себя не обязательным.

Такой «творческий метод» есть отказ от серьезного изучения жизни, от серьезного изучения действительности, они не задаются целью дать типические обстоятельства, а просто хотят дать типичные характеры. И, так как они не знают типических обстоятельств, то типические характеры получаются произвольные, высосанные из пальца, получается неубедительно и ложно.

Возьмите афиногеновское «Далекое». Эта пьеса о событиях, о делах и людях Дальнего Востока написана человеком, который не выходил за пределы уборных МХАТ... И не получилось ни художественно, ни правдиво. А художественное и правдивое это — единство.

Что представляет собой Кожин, главный герой пьесы Киршона «Большой день»? Если бы у нас были такие командиры, как Кожин, то наша Красная армия не могла бы воевать в современных условиях. Это — неврастеник, человек, не владеющий собой, человек, не изучающий военной теории, враждебно смотрящий на все новое.

Откуда Киршон взял такую проблему в Красной армии, как конфликт между молодыми и старым командирами? Такого конфликта нет. А ведь на этом построена значительная часть киршоновской пьесы.

Пьеса в основе своей порочна.

Алексей Максимович Горький выдвинул задачу коллективного творчества. Вот создано великое творение— построен Беломорский канал. Одному писателю писать об этом трудно и требует много времени. Надо написать об этом книгу коллективно.

Авербах берется за это дело, превращает его в плацдарм своей групповой борьбы против линии партии в литературе, превращает это дело в «кормушку».

Перед оргкомитетом в подготовке с'езда стояла задача об'единить всех писателей, партийных и беспартийных, вокруг партийной группы союза, а Авербах превращает работу над книгой о Беломорстрое, начинание по своей идее здоровое, в групповое мероприятие, направленное против интересов партии. Он широко использует свои личные связи с такими людьми, как Ягода.

Была еще одна попытка на этих же принципах организовать коллективную работу. Это — книга «Большевцы». Книга плохая и ненужная нам. Ее писали, исходя из того же авербаховского принципа. В ней центральное место занимает Ягода. Зачем это? Представьте себе следующее. Не будь Ягода тем, кем он оказался, то такую книгу он бесспорно запретил бы издавать. Ведь в ней все — Ягода, все — от Ягоды, все — через Ягоду, все — при помощи Ягоды. А люди, которые делали эту книгу, в частности К. Горбунов, не понимали, что они делают ненужное и вредное для нашей литературы дело.

Перед с'ездом писателей авербаховская группка, главным образом Киршон, Бруно Ясенский, Афиногенов, критики вроде Корабельникова, развернули очень широкую кампанию. Авербах выдвигался этими людьми делегатом от московских писателей на с'езд с явным намерением затем провести его в руководство литературой и воскресить старые рапповские времена.

Создание единого союза советских писателей явилось огромным политическим шагом вперед в жизни всех советских писателей. Если в книгах прежнего периода значительное внимание уделялось вопросам перестройки старой интеллигенции — ее сомнениям, мучениям, — то после исторического решения ЦК писатели в массе своей поняли, что этот самый интеллигент со своей заскорузлой дореволюционной душонкой вовсе не является главным героем и в жизни, и в литературе. Это писатели поняли.

Писатели должны стать активными бойцами на фронте социалистической культуры

Истекшие пять лет были огромным политическим шагом и в смысле выхода писателей на большую политическую арену.

Первый всесоюзный с'езд писателей с этой точки зрения был огромной демонстрацией политического единства, политической декларацией писателей перед всей страной, перед всем народом.

С'езд выразил политическое единство с советским народом.

Но было бы неправильно думать, что все вопросы, которые поставлены перед советской литературой, перед союзом писателей, поняты и союзом писателей и писателями и что писатели покончили со всеми старыми пережитками и идут впереди ряда других участков культурного фронта. Этого сказать, к сожалению, еще нельзя.

Самый распространенный порок в писательской среде — созерцательный подход к жизни.

Среди писателей слишком широко распространено мнение, что жизнь надо, как писатели говорят, «изучать». Они подходят к жизни, как к об'екту своего изучения, как к об'екту наблюдения со стороны.

Писатель, который к жизни относится с точки зрения созерцания и «изучения» ее из окна международного вагона, не может быть писателем даже при большом даровании. Писатели должны понять, что нельзя быть настоящим художником, не принимая активного участия в борьбе за социализм. Здесь вполне подойдут замечательные слова Белинского об отношении писателей к общественной жизни. Он писал:

«Свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужны симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни. Что вошло, глубоко запало в душу, то само собой явится вовне. Когда человек сильно потрясен страстью, исключительно занят одной мыслью, — все, о чем он думает днем, повторяется у него в снах. Пусть же творчество будет прекрасным сном, в роскошных видениях своих повторяющим святые думы и благородные симпатии художника!»

Такого отношения к жизни, к общественной деятельности, к социализму нехватает у наших писателей.

В последнее время на собраниях писателей много говорили о Пильняке.

Спрашивали: чего нехватает Пильняку? Говорили о том, что его «Мясо» как литературное произведение оказалось уже переваренным, что пишет он плохо, что он халтурит и т. д. Но о главном не сказали. Главное, чего нехватает Пильняку, — это быть страстным участником социалистического строительства.

Немалое место в наших обсуждениях занимал также Пастернак. Спрашивали, чего нехватает Пастернаку для того, чтобы быть настоящим большим поэтом, которого бы признали массы? Нехватает ему страстной заинтересованности, большого волнения за то, что делается в жизни. Пильняк и Пастернак ведут себя как посторонние наблюдатели.

Взять хотя бы рассказы Пильняка, которые были напечатаны в журналах. В рассказах есть и трактор и трактористка, но человека там нет. Там нет настоящей жизни, нет того ощущения, что Пильняк — активный гражданин социалистического общества, за которое он борется, страдает, что эта борьба является его личным делом.

Я остановлюсь немного на нашей поэзии. Сегодня в «Рабочей Москве» написана рецензия на книжку Михаила Голодного «Лирика». Рецензия написана настолько восторженно, что она и заставила меня поговорить о Михаиле Голодном и об этой книге. Там написано: «Большая ненависть к врагам революции, большая мужественная и нежная любовь к товарищам по борьбе отличают стихи Голодного» и т. д. В рецензии говорится, что лирика Голодного боевая, что книга его стихов — книга настоящего поэта.

Что необходимо для того, чтобы любое художественное произведение было высокохудожественным? Для этого необходима, как мы знаем с вами, — простота. Этой общенародной простоты и логики мысли, идей и нехватает у наших писателей многих и многих. Вот стихотворение Михаила Голодного «Где большей подлости есть мера».

Оно крайне неудачно, а местами просто лишено здравого смысла. Есть у него стихотворение «Мост». В этом стихотворении нет ни лирики, ни политики, вообще никакого содержания. Да это же не поэзия, а простое, очень грубое, рифмоплетство, никому не нужное, не дающее ни уму, ни сердцу ровным счетом ничего.

«Между будущим
И настоящим
Перебросился я,
Словно мост.
Я лежу, и кричу
Проходящим:
— Проходи, проходи
Во весь рост».

И дальше:

«Вот железу и стали на смену
Каблуки раздирают мне рот»,

В стихотворении «Речь в ямбах» есть такие строки:

«Епископы!
Рукой прилежной
Взбивайте потный пуховик.
На вас идет, свистит
Железный
Материализма маховик».

Понимает ли сам Михаил Голодный, что такое «материализма маховик»? Это вообще глупость первостепенная. Сказано просто так, для красного словца. Здесь нет ни содержания, нет и формы. Это тоже не поэзия.

В нашей поэзии, так называемой политической, и в особенности у молодежи есть одно очень вредное направленьице, которое сказывается в до крайности упрощенном понимании социализма. Долматовский в стихотворении «Сын» рассказывает, как мать бросила своего ребенка на вокзале с записочкой: «Пять месяцев, зовут Петром». И вот, по этому-то поводу поэт радуется, что у ребенка не будет матери, а люди с вокзала будут настоящими отцами и матерями. Это безобразие, это не человеческое отношение к матерям и к отцу, и к детям. Правильно, что у нас не пропадет человек, не пропадает ребенок. Но зачем же восторгаться Долматовскому тем, что ребенок остался без матери.

Поэтам и писателям нужно очень много учиться. Гораций говорил:

«Тот, кто не сведущ, корабль боится
вести, и больному
Дать абротон не дерзнет, кто тому
не учился, леченье —
Дело врачей; и искусств творенья
творит лишь художник;
Мы же, — учен, неучен, —
безразлично, поэмы все пишем».

Писателям и критикам и всем работающим в литературе нужно очень серьезно продумать тот факт, что мы живем в социалистическом обществе.

Построено социалистическое общество, создана новая общественная экономическая формация.

Началась та эра, та историческая эпоха, о которой Энгельс говорил, что все предшествующее есть лишь пред'история, а подлинно человеческая история начинается с социализма.

Социализм построен. Надо понять, к чему обязывает социализм каждого творческого работника. Известно, что подлинно народное творчество является величайшей силой вдохновения во всех областях искусства.

Народное творчество, проявление народных дарований, проявление народной гениальности в нашей стране находит величайшее развитие.

И вот этот народный характер, характер широкой народной самодеятельности, народного творчества, коллективная воля, коллективный ум сказываются во всех областях нашей жизни. С этим нельзя не считаться. Этого нельзя не понимать и от этого нельзя отходить.

Демократизм — подлинное проявление народных качеств, народных свойств человека. Социализм дает подлинную свободу народу: свободу печати, свободу слова, социализм обеспечивает широкое развитие высоких моральных достоинств человека.

Ясные перспективы стоят перед всем населением нашей страны. Ни перед кем не стоит дилемма: как он будет жить завтра, через пять лет и т. д. Каждый гражданин знает, что настоящее наше прекрасно, но еще прекраснее — наше будущее.

Социализм обеспечивает с каждым годом еще большие возможности бесконечного совершенствования всех свойств замечательных людей нашей страны. И мы с вами должны думать над вопросами социализма, поднимая эти вопросы в художественном творчестве на такой уровень, на котором живет наша страна.

Когда мы будем отмечать десятилетие решения ЦК ВКП(б) о ликвидации РАПП, оно, в этом мы уверены, будет ознаменовано более значительными по количеству и лучшими по качеству художественными произведениями, чем сейчас. **(Аплодисменты).**

Доклад на собрании московских писателей 23 апреля.

ПЯТИЛЕТИЕ ЛИКВИДАЦИИ РАПП

НА СОБРАНИИ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ДСП

К пятилетней годовщине ликвидации РАПП советская литературная общественность приходит, вооруженная огромным политическим опытом, новым, более углубленным, пониманием пройденного пути.

Вот почему сейчас больше, чем когда бы то ни было, все отдают себе отчет в значении исторической даты 23 апреля 1932 года.

Вот почему особенно явственно все начинают видеть тот вред, который причинил советской литературе РАПП в последние годы своего существования, рапповская школка, возглавлявшаяся троцкистом, наглым интриганом и склочником, самовлюбленным позером и невеждой Авербахом.

Тов. П. Юдин в своем интересном докладе на собрании писателей (23 апреля) дал язвительный анализ того идейного и теоретического винегрета, который именовался «рапповской идеологией»; он, а за ним и другие ораторы, имевшие в прошлом близкое отношение к руководству РАПП — Караваева, Либединский, Ермилов, Исбах и др. — воскресили во всей ее неприглядности картину авербаховской «опричнины», авербаховской расправы с людьми, не умевшими чтить таланты этого рапповского «вождя».

Необузданное честолюбие Авербаха и его свиты тешили всякого рода литературные парады, платформы, декларации, чины и звания, тешила шумиха, под которой удавалось протаскивать нелепые лозунги, жалкие теорийки.

«Союзник или враг» и т. п. лозунги — куда они вели, кому служили, кому были на потребу?

Тов. Юдин ясно и четко отвечает: это была типичная троцкистская линия околпачивания масс, увода от живой, конкретной действительности, это была ставка на раскол в писательской среде, на разжигание раздоров и взаимной ненависти. Сколько вреда, например, принес нашей литературе пресловутый лозунг об овладении «диалектико-материалистическим творческим методом»? Можно ли себе представить большее опошление и искажение марксизма, чем эта доморощенная рапповская теорийка?

На том же уровне находится и «изобретение» Афиногенова и Киршона, долженствовавшее служить поправкой к знаменитому положению Энгельса о «типичных характерах и типичных обстоятельствах». По мнению этих драматургов, которым, как остроумно указывает т. Юдин, недосуг было серьезно изучать типические обстоятельства в нашей действительности, вполне достаточно, если писатель даст только типические характеры.

Афиногенов и Киршон пытались применить этот принцип и в своей творческой практике. Оттого-то их произведения не согреты подлинной страстью: в них преобладает рассудочность, логизирование, схематизм, больше того — в них неверно отражается наша действительность.

Да и как может быть иначе, если «типические обстоятельства» не обязательны? Вот мы и видим в «Далеком» Афиногенова какую-то сочиненную среду, какие-то неестественные отношения и ситуации.

Вот мы и видим в «Большом дне» Киршона командира Кожина, который — будь он в действительности таков, каким его представляет себе Киршон,— привел бы свою часть к немедленному поражению при первой встрече с врагом. Выдуманная, нереальная фигура, как выдумана и нереальна одна из основных линий пьесы — конфликт двух поколений в Красной армии.

Так мстит за себя отрыв от жизни, «изучаемой» только в «творческих командировках» и в кабинетном уединении.

Рапповские «вожди» старательно вербовали свои кадры не только в СССР, но и за пределами его. Эти кадры, как своевременно напоминает венгерский писатель А. Барта, всячески срывали линию единого революционного фронта в зарубежной литературе, всячески сбрасывали со счетов лучших представителей левобуржуазного искусства, сумевших впоследствии возглавить антифашистское движение на культурном фронте. Всюду вносили авербаховские питомцы дух сектантства, нетерпимости, групповщины, дух презрения к принципам демократии и задерживали, таким образом, рост революционной литературы.

Все ораторы, выступавшие на собрании, рассказывали об омерзительной, двурушнической тактике авербаховской группки после опубликования решения о ликвидации РАПП. Еще очень долго эта группка не теряла надежды вернуть Авербаха к «власти». Создалась своеобразная коалиция: Авербах — Ягода — Крючков — Киршон — Афиногенов и др., коалиция, стремившаяся всячески сохранить рапповское наследство в ожидании «лучших дней».

Большое впечатление произвело на аудиторию выступление Вс. Вишневского, доказавшего путем тщательного подбора фактов, что Киршон долго и упорно, уже после ликвидации РАПП, старался сохранить идейный центр этой организации. С этой целью Киршон привлекал к работе в журнале «Рост» от'явленных троцкистов — Селивановского, Макарьева, Трощенко и др., и с их помощью стремился формировать сознание рабочего читателя в духе, противоречащем решению ЦК от 23 апреля 1932 года.

Мимо этих фактов, остававшихся до сих пор незамеченными, не может пройти наша общественность. Нужно тщательно проверить путь людей, слишком долго сохранявших интимные связи с разоблаченными ныне врагами народа, слишком долго упорствовавших в отстаивании своих групповых, сектантских, осужденных партией, позиций. Перед советской литературой стоят колоссальные задачи, диктуемые великой эпохой социализма. Осуществить эти задачи можно только руками людей, которым чужда логика мелких честолюбцев, людей, для которых высшим законом, глубоко личным, единственным интересом является — благо революции, благо народа.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ АБХАЗИИ

На-днях в Сухуме состоялось общее собрание писателей Абхазии с участием литкружковцев. Собрание, на котором присутствовал представитель ССП Грузии поэт Сандро Эули, заслушало отчетные доклады тт. Чанба и Микава о работе союза и о задачах перестройки его работы в связи с решениями последнего пленума ЦК ВКП(б).

Докладчики, отметив некоторые достижения абхазской писательской организации за последние годы, указали на грубейшие ошибки, допущенные союзом.

— В результате потери большевистской бдительности, — говорит т. Чанба, — в ряды союза писателей проникли враги народа Ш. Цвижба, В. Агрба, В. Григорьев, И. Перебойнос. Слабость руководства привела к такому положению, когда членами союза были люди, не написавшие за последнее время ни одной строчки.

Тов. Н. Микава в своем докладе говорил об отсутствии в союзе критики и самокритики, о наличии подхалимства, о засоренности писательских рядов, а также о том, что писательские кадры политически слабо подготовлены, что союз писателей не проводит среди писателей воспитательной работы, что он плохо руководит молодыми писателями, живущими в районах.

Выступавшие в прениях писатели и литкружковцы подвергли серьезной критике работу Союза.

Тт. Жвания и Канониди указали на плохое руководство союза национальными секциями: грузинской и греческой. Секции развалились, книги на этих языках не издаются.

Литкружковцы заявили на собрании, что союз не уделял должного внимания выращиванию молодых писательских кадров, что он плохо работал с начинающими писателями в районах.

Об ошибках журнала «Абсны Капш», поместившего произведения троцкиста В. Григорьева, сказал т. Хашба.

Поэт Сандро Эули, подчеркнув ответственность задач, стоящих перед абхазской литературой, заметил, что абхазцам в разрешении этих задач должна оказать помощь писательская организация Грузии.

Большая часть выступлений писателей страдала одним существенным недостатком: почти никто не говорил о своих собственных ошибках и слабых сторонах.

Политическая тупость

ЛЕНИНГРАД (от нашего корр.). Пятую годовщину постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина решила отметить специальной выставкой.

Сегодня ваш корреспондент посетил эту выставку и вместе с другими посетителями мог убедиться, в какую возмутительную халтуру превращено важное политическое мероприятие.

Отображение творческой работы писателей, показ лучших книг за прошедшее пятилетие — элементарное требование к выставке, организованной библиотекой.

Среди книг, написанных в последние пять лет, мы увидели... «Железный поток» Серафимовича, первый том «Тихого Дона» Шолохова, вышедший в 1928 году, «Разбег» Ставского, написанный в 1930—31 году, и т. д. Правда, на титульных листах выставленных экземпляров этих книг значится 1934, 1935, 1936 гг.; вышедшие в эти годы переиздания невежественные устроители выставки приняли за... новые произведения.

Но зато среди новых произведений отсутствуют, например, «На Востоке» Павленко, «Пушкин» Тынянова, «Рожденные бурей» Ник. Островского, «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова и другие книги, которыми советская литература встретила пятую годовщину исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

Не показаны на выставке и такие великолепные образцы политической поэзии, как письма народов советских республик к товарищу Сталину, изложенные в стихах крупнейшими национальными поэтами. Последние годы жизни и деятельности великого художника пролетариата А. М. Горького почему-то сведены к двух темам — помощь начинающим писателям и организация новых изданий. Работа Горького как писателя и публициста непростительно забыта; нет даже упоминания о последнем томе «Клима Самгина».

Непонятен и подбор фигурирующих на выставке портретов писателей. Портреты большинства писателей-орденоносцев отсутствуют. Некоторые из выставленных фотографий снабжены устаревшими подписями, сделанными... Союзфото! По этим подписям выходит, что последнее крупное произведение Ю. Тынянова — «Восковая персона»!!

Наспех подобранные книги, хаотично разбросанные по витринам, не показывают, какое огромное значение имело для развития нашей литературы постановление ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций.

Но дело не только в этом.

На выставке допущена и возмутительная реклама заклятых врагов народа.

В одном ряду с книгами А. М. Горького о литературной молодежи ваш корреспондент обнаружил на выставке... книжонку троцкиста Макарьева. В другом месте пропагандируется «деятельность» троцкиста Л. Авербаха.

Что это: только ли политическое недомыслие, поразительная политическая тупость?

Когда корреспондент «Литературной газеты» указал директору Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина т. Вольперу на грубейшие политические ошибки, как и на весь халтурный характер выставки, оказалось, что т. Вольпер... не удосужился еще осмотреть выставку, открытую в руководимой им библиотеке, в главном читальном зале, который ежедневно посещают свыше 1000 человек.

Разве это не разительный пример политической беспечности?

Б. Р.

Б. БРАЙНИНА

Два пятилетия

Критики-классики требовали от художественной литературы слова, одушевленного правдой, высокой идеей. Для Добролюбова, Чернышевского, Белинского не существовало разговоров об отвлеченной талантливости того или иного произведения вне его идейной направленности. «Нам кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнее вопрос о том, на что употребляется, в чем выражается талант художника, нежели то, какие размеры и свойства имеет он в самом себе, в отвлечении, в возможности» (Добролюбов).

Как же не требовать высокой идейности от литературы в наше время, когда величайшие идеи, волновавшие умы лучших представителей человечества, становятся кровью и плотью нашей действительности. Пора сказать во весь голос, что известная культура, грамотность, известная одаренность еще не делают хорошей книги. Этого мало, слишком мало! Надо, чтобы сердце писателя билось вместе с сердцем его родины, чтобы писатель был на уровне великих идей своей эпохи.

Потрясать могут только те книги, которые сами — результат большой мысли, силы убеждения, чувства. Создать героический образ можно тогда, когда большой человек и большой художник слиты в писателе воедино. Не потому ли Фурманову удалось создать образ подлинного героя? Не потому ли его «Чапаев» известен каждому грамотному человеку не только у нас в Союзе, но и по всему миру?

«Чапаев» Фурманова был ярчайшим выразителем самого лучшего, что было в советской литературе в момент ее зарождения. Это лучшее стало традицией.

Любовь к человеку, которого освободила революция, к человеку, которого взрастила, выпестовала революция, — основное в лучших произведениях советской литературы.

На первое место среди книг, написанных в последнее пятилетие, надо поставить замечательную эпопею А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Наша критика еще не сумела оценить в полной мере, какое огромное значение в распознавании и понимании существа контрреволюционного двурушничества имеет горьковское разоблачение самгинщины.

Полным признанием миллионного читателя пользуются романы Островского «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей».

Здесь, разделенные почти пятнадцатилетием, столь различные по манере письма, Дмитрий Фурманов и Николай Островский встречаются, как родные братья. Фурманов **первый** создал образ героя гражданской войны, образ одного из замечательных полководцев, защищавших нашу революцию. Островский **первый** создал образы героической революционной молодежи, показал, как в борьбе за идеи коммунизма растет и крепнет пролетарская молодежь и ее авангард — комсомол. Чапаев и Корчагин — вот они, подлинные литературные герои, о которых мечтают, которым подражают, которых страстно любят миллионы читателей.

В последнее время появились «Последний из Удэге» Фадеева (III и IV части), «На Востоке» Павленко и «Пушкин» Тынянова. Все это очень разные книги и в то же время близкие по духу, по идее.

Пафос человечности—вот что сближает Фурманова, Островского, Фадеева, Павленко, Тынянова.

В «Последнем из Удэге» непримирима вражда автора к уродствам капиталистического общества и «огромна, несравнима ни с каким другим желанием жажда нового, прекрасного, сильного и доброго человека». Фадеев показал, как борьба за великие идеи коммунизма есть в то же время борьба за самое человечное в самом себе.

Самое ценное в книге Павленко — люди. Перед читателем проходят один за другим (к сожалению, слишком калейдоскопически) герои, которые так часто встречаются в нашей жизни и так еще малочисленны в литературе. Родные, близкие, хорошо знакомые читателю, знатные, лучшие люди страны.

О защите всего передового человечества говорится в романе. Роман Павленко о войне направлен против империалистической войны. Это не бесплодный, пассивный пацифизм, а действенная, революционная, подлинная борьба с империализмом.

«На Востоке» — роман о гуманизме советского народа, стоящего на страже мира, культуры, человеческого счастья.

Болью за прекрасного человека, за лучших людей прошлого полон роман Тынянова «Пушкин».

За трагической судьбой гения, величайшего и любимейшего своего поэта, следит читатель с большим волнением. На широком фоне быта, среды, эпохи, родственников, товарищей, современников сверкает образ гениального ребенка-подростка. Горячие глаза, смех «внезапный, короткий, обрывистый и до того радостный, что все смеялись». Смех и глаза Пушкина — это запоминается во внешнем облике.

А из внутренних качеств — страстность, мужество, благородство, проницательный, острый ум. Пушкина отталкивали, смущали, обижали холод и равнодушие людей. А сколько было кругом этого холода и равнодушия! Сам же он на все откликался, все подмечал, неистово любил, ненавидел, презирал, восторгался.

Богатства пятилетия после ликвидации РАПП, конечно, не исчерпываются приведенными примерами.

За последние пять лет, начиная с исторической даты 23 апреля 1932 г., в советской литературе появилось несравнимо больше выдающихся талантливых книг, чем за целое десятилетие 1922—1932 гг.

Вот длинный список выдающихся произведений советской прозы за последние пять лет: Шолохов — «Поднятая целина» и «Тихий Дон» (III часть), Толстой — «Петр I», Фадеев — «Последний из Удэге» (III и IV части), Новиков-Прибой — «Цусима», Ильин — «Большой конвейер», Островский—«Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», Корнейчук — «Гибель эскадры», Яновский—«Всадники», Павленко — «На Востоке», Тынянов — «Пушкин», Колас — «Трясина», Джавахишвили — «Арсен из Марабды», С. Зорян — «История одной жизни», Айни — «Дохунда», Кириленко — «Вторая весна», Вирта — «Одиночество», Гидаш — «Господин Фицек», Ильф и Петров — «Золотой теленок» и «Одноэтажная Америка», В. Катаев — «Белеет парус одинокий», Леонов — «Дорога на океан», Макаренко — «Педагогическая поэма», Соболев — «Капитальный ремонт», Паустовский — «Кара-Бугаз», Пришвин — «Жень-Шень», Финк — «Иностранный легион», Эренбург — «День второй» и «Не переводя дыхания», Головач — «Сквозь годы», Панч — «Осада ночи», Копыленко — «Очень хорошо», Тагиров — «Красногвардейцы», Фиш — «Падение Кимас-озера», Авдеенко — «Я люблю», Левин — «Юноша», Никулин—«Время, пространство, движение» и другие.

Мы не собираемся устанавливать степень таланта того или иного автора, а хотим только показать, как растет литература, какое здесь разнообразие дарований, тем, вопросов, манеры письма.

Совсем другая картина в период от 1927 до 1932 г. — во времена РАПП. Это пятилетие отнюдь не порадовало читателей обилием и разнообразием литературных произведений. Можно назвать всего несколько крупных произведений, широко известных читателю: Шолохов — «Тихий Дон» (2-я кн.), Ильф и Петров— «Двенадцать стульев», Ставский — «Разбег», Тихонов — «Война», Панферов — «Бруски», Малышкин — «Севастополь».

Такой редкостью была хорошая книга в годы, когда РАПП превратился в узкогрупповую, сектантскую организацию, искусственно задерживающую ход развития нашей литературы, когда в РАПП действовала авербаховская троцкистская школка.

Понятно, что постановление ЦК от 23 апреля 1932 г., сломавшее рапповские заслонки, вызвало необычайное оживление в литературе. Появились новые книги, новые имена, новые таланты. Конечно, приведенные здесь списки выдающихся книг до и после ликвидации РАПП отнюдь нельзя считать исчерпывающими.

Давать исчерпывающие списки не входило в задачу данной статьи.

Важно показать пропорции роста советской литературы в пятилетие до ликвидации РАПП и в пятилетие после ликвидации. Важно это соотношение двух пятилетий. Оно ярко свидетельствует об огромном значении, которое имело для развития советской литературы мудрое решение ЦК партии.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Нужен ответ

В. Киршон был ряд лет — начиная с 1923 года—ближайшим и активнейшим «сподвижником» врага народа Л. Авербаха, одно время именовавшего себя «генеральным секретарем ВОАПП и РАПП». Киршон ряд лет был секретарем МАПП. Под его руководством в течение ряда лет проводились все основные мероприятия по заданиям Авербаха, в частности борьба против комсомола в зиму 1931—32 года, когда по директивам Авербаха и Киршона вся сеть налитпостовцев атаковала комсомол, «Комсомольскую правду» и вела явно антипартийную, разложенческую работу в рядах литературы. Под руководством Авербаха и Киршона шла и борьба против решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Борьба эта не прекращалась и до с'езда писателей.

Далее. На самом с'езде писателей велась активная групповая деятельность авербаховцев*. Она упорно продолжалась до последнего времени. Киршон использовал кадры троцкистских критиков—Пикеля, Оружейникова и др. и был связан с Авербахом.

Начиная с 1929—30 года мне много раз приходилось выступать против всей этой «деятельности» авербаховцев. Ясна необходимость,— об этом я писал и осенью 1936 г. в «Лит. газете»,— проследить все дела троцкистов в литературе, собрать факты, документы.

В раз'яснении всех данных дел наибольшую роль могут сыграть именно **документы и факты**. Рассмотрим период 1932 года — борьбу авербаховцев против решения ЦК ВКП(б) от 23 апреля.

В. Киршон был в 1932 году отв. редактором налитпостовского журнала «Рост». Можно убедиться в том, что этот журнал был одним из основных троцкистских центров в литературе.

№ 1 «Роста» открывается программной речью разоблаченного ныне троцкиста-террориста Макарьева.

В № 2 журнала «Рост» Киршон извещает, что руководом актива журнала назначена Трощенко. Ее лицо раскрыто: троцкистка.

В № 4, под действием суровой критики «Правды» и комсомола, редакция нехотя признает наличие в рядах налитпостовцев «деборинских влияний» и «неполное преодоление воронщины»... Агентура Троцкого и Авербаха фальшиво шла на «самокритику». В том же номере, в целях практического действия, дается разгромный материал против писателей и критиков — оборонников, против ЛОКАФ. Здоровое, органически партийное, вышедшее из недр Красной армии, движение, давшее крепкие, нужные народу произведения, бралось троцкистами под обстрел.

В № 7 развернута групповая атака против творческого течения в советской литературе, представляемого Ф. Панферовым, В. Ставским и др. писателями.

23 апреля 1932 г. постановлением ЦК ВКП(б) РАПП — и следовательно его налитпостовское ядро, совершившее множество политических ошибок, — была ликвидирована.

Как отнесся В. Киршон к постановлению Центрального Комитета партии? В журнале дан лишь текст постановления и... ни слова комментариев. Это — тактика молчаливого саботажа и выжидания (см. № 9 «Роста»).

В № 10 — после групповых совещаний у Авербаха — начинается искажение директив ЦК и сопротивление им. В передовой пишется о том, что «РАПП разбил троцкизм, воронщину, переверзевщину...». Эта предательская, продиктованная Авербахом, ересь шла к литературным, читательским рабочим массам, извращала решение ЦК. В передовой был дан и лозунг о том, что «все положительное из РАПП» надо нести в новый союз писателей. Двусмысленное построение, за которым протаскивался лозунг: хранить авербаховские кадры, теории, «традиции»! Как раз в эту пору Авербах начал усиленную подпольную работу против Оргкомитета нового союза советских писателей, обрабатывал в письмах свои кадры и сплачивал «теоретиков»: И. Макарьева, Трощенко, Селивановского, Добина и пр. В. Киршон предоставил им в «Росте» трибуну и аппарат.

Все это доказывается **документально**.

В № 11 «Роста» в передовой дана установка о сохранении «решающей роли рапповцев»,—подразумеваются, конечно, авербаховцы,— в новом союзе писателей. Линия на раскол, троцкистская линия на развал, дезорганизацию литературы проводится в журнале с упорством. Передовая восхваляет ликвидированный РАПП за то, что им «немало сделано в работе с ударниками...» Это, по сути дел, была апелляция к рабочим низам, кружковцам, противопоставление новому союзу, атака на который подготовлялась и последовала в ближайших номерах «Роста».

В. Киршон, в развитие установок Авербаха, 10 мая выступил на собрании московских рабочих-литкружковцев. В докладе не было ни слова о троцкистской линии налитпосговцев, о грубейших извращениях Авербахом партийных директив, о его давних связях с троцкистами.

Киршон протаскивает резолюцию в духе налитпостовцев. Продолжается печатание статей Трощенко и т. п. сотрудников, ложно ориентирующих читателей, кружковцев, рабочую массу.

В № 12 «Роста» в передовой прямо пишется: «РАПП и ВОАПП в основном правильно осуществляли указания партии...». Шел, как мы видим, систематический поход против решения ЦК, против линии нового союза советских писателей.

В № 13-14 (на обложке) Киршон, как ответственный редактор, сообщает о том, что он работает совместно с Макарьевым и Трощенко среди кружковцев заводов «Динамо» и «Серп и молот». Не представляет труда понять, какие «теории» там проводились.

В № 15 Киршон воскрешает старые лозунги МАПП. Он об'являет о «приближении 2-й годовщины призыва ударников, об'явленного РАПП...». Справляются даже годовщины ликвидированной организации и ее дел!

В том же номере «Роста» помещен очерк о Невском машиностроительном заводе. В очерке **большевикам 1905 года приписывается систематический индивидуальный террор...** Материал возмутительный, и факт его помещения требует подробных об'яснений Киршона.

В № 17-18 рекламируется новая библиотечка: Макарьева, Лузгина и других сподвижников Авербаха... Борьба за старый РАПП усиливается. В передовой читаем: «РАПП был идейно-политическим центром для пролетарских писателей, попутчиков и союзников...». Ясно проводится мысль, что решение ЦК нанесло-де удар идейному центру **всей** советской литературы. Передовая раз'ясняет, что в РАПП были лишь «отдельные ошибки» и страдали «организационные формы». Что это как не полное извращение, саботаж партийной линии?

Вот так Киршон систематически развертывал атаку против нового союза. В журнале дан был лозунг о том, что главная опасность в литературе—правая. Этим Авербах, Киршон и др. маскировали свои троцкистские левацкие ходы. (См. № 17-18 «Роста).

В этом же 17-18 номере развернут материал о «напостовской смене». Мы видим, как Авербах руками Киршона развертывал и кадры — «смену».

В том же 17-18 номере дана большая программная статья троцкиста Селивановского с групповыми, дезорганизующими выпадами против романтизма в советской литературе. В статье проводится лозунг о **недопустимости равноправия** реалистического и романтического методов в литературе, т. е. ведется вредительское извращение лозунга о социалистическом реализме.

В № 19—сообщение о книге Макарьева.

В № 20, перед пленумом Оргкомитета нового единого союза советских писателей, в журнале усиливается открытая защита налитпостовской группы. Вместе с тем выдвинуто... требование о ликвидации «других групп в Оргкомитете». Троцкисты распоясываются. Киршон дает понять в журнале, что новый союз—это сборище ненадежных групп (логическое развитие линии «союзник или враг»), и что спасение—в Авербахе...

Тут же в передовой редакция требует «удара по малейшим элементам административного вмешательства...». Смысл: не троньте троцкистскую группку. Далее, употребляя прием отвода глаз, редакция пишет: «Главный удар—по буржуазным реставраторам». Буржуазные реставраторы кричат со страниц «Роста», с благословения Киршона, против буржуазных реставраторов... Вот конкретный пример вражеской тактики!

В том же номере дана развернутая статья Макарьева. Это—новая атака против решений ЦК, против сплоченного ССП.

Что напечатал тут редактор Киршон?

Макарьев, лютый враг народа, защищает «все ценное в РАПП — понимай: Авербаха и К-о, ибо ни единой ценной писательской фамилии ни разу не упомянуто. Вновь журнал упорно твердит, что «РАПП проводил правильную линию», был массовой организацией. Макарьев пишет: «Доказывать, что за пять месяцев (с ноября 1931 г. по апрель 1932 г. — **Вс. В.**) руководство РАПП стало на позиции деборинщины, троцкизма, бухаринщины—т. Юдин и т. Усиевич не смогут».

Правильные выступления ряда коммунистов—т. Юдина и др.—отвергаются.

В этой же статье Макарьева проводится энергичнейшая защита «теорий» Авербаха, целиком вытекающих из бухаринских вредительских книг. Статья заканчивается лживым, двурушническим приемом: «В первой шеренге в борьбе с Троцким выступало руководство РАПП...»

В № 21 «Роста», **к 15-летию Октября**, Киршон дал развернутую всесоюзную гамму троцкистов: 1) статью Селивановского с обзором всей советской литературы, 2) статью террориста Коваленко с обзором украинской литературы, где, в частности, восхвалялся шпион-диверсант Ирчан с его пьесой «Плацдарм», 3) статью —обзор грузинской литературы — авербаховца Буачидзе. Кадры таким образом собирались со всех сторон. Шла подготовка с целью захвата ССП и возвращения Авербаха.

В № 22 (в передовой) наибольшими достижениями и сдвигами на первом пленуме писателей об'является (с какими целями?) выступление Андрея Белого. Троцкисты, льстя, заискивая, видимо, искали союзников... Своеобразно же повертывается лозунг «союзник или враг»!

В № 23-24 Макарьев развертывает ревизию лозунга о социалистическом реализме. Вновь защита старых рапповских лозунгов, осужденных партией. Вновь протаскивание вредительских ориентировок.

Дальнейшая практика Киршона **также известна: использование троц**кистов-критиков Пикеля, Оружейникова и др., групповая практика в журнале «Театр и драматургия» вплоть до 1936 года и связь с Авербахом вплоть до последних недель. Авербах же **скрывал у себя Ефима** Цейтлина, террориста.

Таковы факты.

Необходимо прямо поставить требование Киршону, который **14 лет** был в теснейшей связи с Авербахом и всей троцкистской группой:

Дайте писательской общественности ответ по поводу всех этих дел.

* Попытка провести в руководство Авербаха. Попытка была энергично отбита писателями.

А. МАКАРЕНКО

Товарищеская лаборатория

О Доме советского писателя

В порядке обсуждения

Никто в нашем союзе не представляет себе улучшения писательской работы без участия Дома советского писателя. Об этом достаточно убедительно говорили на общемосковском собрании писателей, об этом сказано и в передовой «Литературной газеты» от 20 апреля.

В настоящее время наш ДСП, по крайней мере в Москве, организован по типу рабочих клубов, представляя собой центр так называемой культурно-массовой работы и развлечений.

Сами писатели культурно-массовой работой в клубе не интересуются ни в качестве суб'ектов, ни в качестве об'ектов, уступая эту честь членам своих семейств и знакомым. Довольны ли последние зрелищами и концертами, происходящими в клубе, — вопрос мало исследованный. Можно впрочем предположить, что и они недовольны, ибо ДСП не обладает ни сценой, ни хорошим залом. Таким образом и качество культурно-массовой работы в ДСП можно поставить под знак сомнения.

Вопрос о культурном обслуживании членов семьи писателей — вопрос особый. Несмотря на всю его важность, решение его целиком можно передать Литературному фонду, — пусть там над ним задумаются.

Если же говорить о ДСП с точки зрения интересов чисто писательской организации, то прежде всего необходимо решительно заявить, что никакой параллели между клубом писателей и обычным рабочим клубом быть не может. Каждый рабочий клуб рассчитан именно на свободное время работника, на его внепроизводственное бытие. Наш клуб должен быть прежде всего нашим производственным центром.

Я уверен, что большинство писателей именно в таком «производственном» разрезе мечтает о новой работе ДСП, но в то же время как раз со стороны этого большинства слышатся и скептические голоса. Говорят, что индивидуальный характер писательской работы нельзя ни игнорировать, ни, тем более, ликвидировать.

В буржуазном обществе великие таланты не выдвигаются единодушным усилием общества, а пробиваются сквозь толщу классовых перегородок, сквозь будничную беспросветность эксплоатации, сквозь клоаку конкуренции и рекламы, сквозь непроходимые болота мещанской косности и всеобщей, хотя бы и прилизанной, деморализации.

Совершенно неудивительно, что их появление, их звучание кажется историческим феноменом, счастливой случайностью, редким драгоценным даром природы.

Традиционная уединенность писателя должна быть решительно разоблачена, с ней мы должны бороться, как с самым худшим пережитком старого мира, как с самым грозным признаком творческой нашей немощи.

И действительно счастливый писатель, до конца сохранивший чистоту и свежесть личности и таланта, до последнего дня богатевший знанием и культурой — Алексей Максимович Горький, разве не был великим коллективистом, разве не помогал направо и налево — всем: молодым и начинающим, уставшим, остановившимся и зазнавшимся, — всему писательскому коллективу?

Прозаическая параллель нашей творческой работы с «производством» некоторых даже оскорбляет, — так приятно верить в свою личную исключительность и в исключительность таланта.

Я уверен, что через самый небольшой ряд лет усилиями нашей советской науки, нашей действительности, наших педагогических исканий будет доказано, что талант только в небольшой мере принадлежит биологии, что в самом основном своем блеске он всегда обязан благотворным влияниям общества, работы, культуры и знания. В этой цепочке оснований, в каждом ее звене всегда присутствует свободный человеческий коллектив, всегда чувствуется дружеский локоть, великое творческое движение масс.

Для вопросов тематики нам уже нужна лаборатория, нужна скрупулезная разработка, аналитика тем, диалектика писательского подхода к жизни, нужна — это самое главное — основательно, широко усвоенная марксистская философия.

Еще больше нам нужно лабораторных проработок в вопросах писательской техники. Если говорить по совести, техника наша находится на очень низком уровне. Даже у самых маститых наших товарищей на каждом шагу можно натолкнуться на совершенно дикие недоработанности, пробелы, грубые мазки, манерность, неиспользование материала.

Вопрос о технике — это не простой вопрос о форме. Самое содержание нашей жизни сделалось таким многообразным, таким сложным, что приемы старой техники, которые годились для семейного романа или психологической драмы, нас удовлетворить уже не могут.

Мы иногда устраиваем так называемые диспуты, на которых дело организуется по очень смешной схеме. Ставится на «кон» автор, а мы все — кто как умеет, но обязательно по очереди, в порядке записи,—каждый по-своему, к нему приближаемся и «реагируем» либо при помощи кадила либо при помощи дубины.

Автор с такого диспута уходит с единственным результатом — с растрепанными нервами, а все остальные ничего иного с собой не уносят, кроме тех же кадил и дубин.

Никакого технического прогресса от таких диспутов произойти не может. И в данном случае решающей является наша привычка все решать в общем и целом, наша непривычка к лабораторному анализу, который только и может привести к новым техническим и творческим находкам. И поэтому мы все малограмотны во многих вопросах той работы, которая составляет нашу специальность. Мы мало знаем и мало говорим о композиции произведения, о первом и втором плане, о различном освещении деталей, о натюрморте, о диалоге, об отношении содержания и формы, о стиле, о значении пейзажа, портрета и так далее и так далее.

По вопросам техники нам тоже настоятельно нужна хорошо организованная товарищеская лаборатория.

Такой большой, серьезно поставленной, активно работающей лабораторией и должен сделаться наш писательский клуб.

План этой лабораторной организации не может быть выработан в малой статье.

Этот план сам по себе составляет большую и важную задачу, он сам требует коллективной мысли и творчества. Но я уверен в следующем:

Первое. Реализация этого плана не должна рассчитывать на один энтузиазм писательского актива. Как во всякой серьезной работе, здесь должны присутствовать и «презренные» материальные ценности. Работа такой лаборатории не может быть сделана по-дешевке, не может быть рассчитана только на добрые души и намерения.

Второе: В настоящее время трудно себе представить, в какие формы и с какой шириной захвата выльется наш клуб. Но—«лиха беда начало». Если мы найдем принципиальные установки для товарищеской коллективной работы по всем вопросам нашего дела, если эти установки будут правильны, они с первых дней будут являться и толчками для дальнейших находок и дальнейшего усовершенствования.

Сидней БЛЮМФЕЛЬД

Троцкистские разбойники пера в США

В докладе на пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, говоря о троцкистских резервах за пределами СССР, указал, в частности, на орду писателей в Америке «во главе с известным жуликом Истменом», назвав их «разбойниками пера». В Соединенных Штатах существуют галлереи жуликов, в которых хранятся фотографии и документы уголовных преступников. Здесь подходящее место для разбойников пера, составляющих резерв троцкистско-фашистской банды.

Эта банда выкинула лозунг «права политического убежища» для кровавого пса Троцкого с целью дать ему возможность приехать в США и продолжать там свою бандитскую деятельность. Некоторые либералы попались на эту удочку. Но как только стал известен обвинительный акт по процессу параллельного центра троцкистов, лучшие элементы не только отошли от этой банды, но выступили против нее, как это было, например, с группой писателей, возглавлявшейся известным редактором «Baltimore Sun» Морицем Хеллгрином.

Кто же эти разбойники пера в Америке?

Прежде всего назовем Макса Истмена, представителя беспринципной богемы, мещанина, наслаждающегося комфортом богемной жизни. Этот бывший профессор колледжа, «поэт и писатель», не признает ответственности ни перед кем и ни перед чем. Он был редактором старого «Masses» — литературно-богемного журнала с лево-социалистическим уклоном. Когда во время мировой войны «Masses» был обвинен в антипатриотизме. Истмен об'явил себя ярым сторонником «войны за демократию». Затем он был редактором журнала «Liberator» и стяжал себе дешевую популярность статьями по «теории смеха». Им написано несколько злобно-клеветнических контрреволюционных троцкистских книг против СССР и коммунистической партии. Он являлся организатором «комитета защиты» обер-бандита Троцкого.

Под покровительством этого «комитета», лицемерно требовавшего «беспристрастного отношения» к бандиту Троцкому, Истмен выступил 18 декабря 1936 г. на митинге в Нью-Йорке. На этом митинге Истмен заявил, что «со строительством социализма в Советском Союзе покончено». Клевета эта вызвала протест аудитории. Протест присутствовавших — в большинстве социалистов — был настолько силен, что «Socialist Call»—официальный орган социалистической партии, во главе которого стоит Норман Томас (вошедший в упомянутый «комитет»), — вынужден был, скрепя сердце, извиниться и вяло «заверить» читателей, что газета попрежнему настроена дружественно по отношению к Советскому Союзу.

На протяжении многих лет Истмен делал свое дело бандита пера — он написал книгу и ряд статей в журналах, в которых «доказывал» ложность материалистической теории марксизма и пытался подменить марксизм метафизическими буржуазными философскими теориями.

В данное время Истмен чувствует себя опять вполне в своей тарелке в качестве главаря троцкистской шайки разбойников пера в Америке.

К троцкистским разбойникам пера принадлежит и Сидней Хук, использующий свое положение профессора философии Нью-Йоркского университета. Хук, как и Истмен, был когда-то членом коммунистической партии. Сейчас Хук занимается изобретением всякого рода «литературных и философских» «аргументов» против марксизма-ленинизма. Так, например, в статье «The scope of Marxian Theory» он поднимает между прочим вопрос об антропологии и заявляет: «Ортодоксальные марксисты в области антропологии продолжают придерживаться взглядов Моргана, хотя его основные положения были решительно отвергнуты научными работниками». Все это нужно Хуку для того, чтобы обелить германский фашизм и оклеветать коммунистов. Оказывается — по Хуку, — что в развитии антисемитизма в Германии виновата антропология Моргана и марксистов, а не бешеное, звериное человеконенавистничество наци.

Недостаток места не позволяет нам — да мы и не видим в этом особой надобности — дать анализ первой так называемой программы, опубликованной троцкистами в 1933 году, когда они об'единились с «достопочтенным» А. Д. Мэсти для организации «американской рабочей партии». Целью ее было создать базу для нападения на СССР и в то же время отмежеваться от всякого движения, которое окажется «чуждым» Америке.

Шовинистическая «американская» программа недолговечной «американской рабочей партии» оказалась настолько наглой, что очень скоро и программу и партию пришлось ликвидировать, так как американские рабочие разобрались в ее контрреволюционном троцкистском характере. Из этой шайки, проповедывавшей шовинизм, рабочие ушли с чувством омерзения и брезгливости, зажимая нос, — от этой оравы троцкистских бандитов разило, как от разлагающегося трупа.

Профессор Сидней Хук, так же, как и Истмен, служит троцкистам в качестве «интеллектуальной» приманки для привлечения либералов и интеллигенции. Было бы слишком много чести для этих господ заниматься разбором писаний Сидней Хука, из которых назовем только его первую книгу, озаглавленную «Towards the understanding of Karl Marx». В этом «труде» Хук проявляет полнейшее невежество в политической экономии и других марксистских науках. Он преподносит читателю мешанину из прагматизма Дьюея и мистицизма, которую он и выдает за марксизм.

Макс Шахтман принадлежит к менее известным гангстерам. Он является «литературным редактором» американских книг Троцкого, политическим главарем троцкистской банды и личным представителем Троцкого в США. Он — политический и теоретический главарь этой орды, исключенный из коммунистической партии в 1928 г. Это — мещанин, циничный и ничем не стесняющийся фракционер, ведущий сейчас подрывную троцкистскую работу в рядах социалистической партии.

В. Ф. Кальвертон представляет собой оппозиционера, примыкающего одновременно к правым ренегатам (Ловстон) и к троцкистским бандитам. Подобно мексиканскому художнику Дега Реверна, он служит чем-то вроде связующего звена между этими двумя группками. Антипартийную и антисоветскую писанину и тех и других он помещает в своем, так называемом «марксистском» трехмесячнике и в «Modern Review», редактором которого он состоит. Не кто иной как Кальвертон и Хук привлекли таких аполитичных буржуазных профессоров, как Джон Дьюей, Горас Каленн и др. для поддержки троцкистов. Кальвертон написал несколько книг по истории литературы и по литературной критике. Некоторые революционные писатели сравнили материалы, приводимые Кальвертоном, с более ранними трудами других писателей и доказали, что Кальвертон — беспринципный вор и плагиатор.

Джемс Фарелл появился на горизонте сравнительно недавно и получил громкую «известность» благодаря своему автобиографическому роману — трилогии «Studs Lonorgan». Книги его, — книги выродка, проповедующего половое разложение. Сам он — безответственный пьяница и дегенерат без всяких моральных устоев. Последняя его книга — «Мир, которого я никогда не строил», запрещена цензурой из-за проповедуемой в ней половой извращенности. Не вынося критики своих произведений, Фарелл становился все более «левым» и в конце концов скатился в лагерь Троцкого. Сейчас он время от времени выступает против коммунистической партии.

С группой левых писателей он открыто порвал, злобно напав на них в своей книге «A note on Literary Criticism». Фарелл хотел «оправдать» свой переход в лагерь контрреволюции, начав «критическую» войну против левых писателей из «New Masses», «Partisan Review» и клуба Джона Рида.

Чарльз Иель Гаррисон был агентом и маклером по страховому делу, затем начал работать в некоторых буржуазных газетах и стал писателем, выпустив несколько романов. Этот выродок представляет собой беззастенчивого оппортуниста и беспринципного стяжателя.

Джозеф Шаплен принадлежит к реакционному правому крылу социалистической партии и пишет под псевдонимом Джозефа Поурса в газете «New Leader», органе правого крыла социалистов. Он во время гражданской войны приехал в Петроград, но в 1921 году был за свои клеветнические статьи выслан из Советского Союза. Последняя его «статья» была дословной перепечаткой клеветы, помещенной в парижском троцкистском бюллетене, которую он подписал своей фамилией.

Исаак Дон-Левин — это проститутка пера, находящаяся на содержании у фашистской прессы Херста, для которой он непрерывно измышляет всевозможную ложь о Советском Союзе. Это — старый и упорный враг Октябрьской революции и Коммунистического Интернационала. С самого момента революции он пишет фантастические и злобные «истории» о Советском Союзе, его вождях и о компартии. Во время процессов — начиная с шахтинского и кончая последним процессом параллельного троцкистского центра — он заполнял страницы прессы Херста всяческой клеветой, какая только приходила в голову Троцкому.

Можно назвать еще несколько имен меньшего значения, как Джемс Рорти, Анита Бреннер, Ф. Морроу, но и сказанного достаточно, чтобы иметь представление об этой орде разбойников пера.

Этих беспринципных бандитов необходимо изолировать от здорового человечества. Они пользуются заслуженным презрением среди прогрессивных кругов в капиталистических странах.

Даже когда этой орде путем обмана иногда удается внести временное смущение в некоторые круги интеллигенции, это кончается еще большим провалом бандитов пера.

С бандитским цинизмом готовы троцкисты пойти на любое преступление против рабочего класса; им оказывают поддержку Херст, реакционные и преступные элементы. Именно поэтому необходимо настойчиво и упорно до конца разоблачать их.

Истинное их лицо разоблачают революционные элементы и честные представители интеллигенции.

Сильнейший удар по фашистской агентуре троцкистов нанесло выступление выдающихся общественных деятелей Америки, в известном открытом письме к американским либералам резко осудивших грязную работу американских троцкистов. Письмо это было подписано такими известными людьми, как Теодор Драйзер, Ринг Ларднер, Арт. Юнг, как председатель «Американской газетной гильдии» Хейвуд Броун, редакторы либеральных журналов «Нейшен» и «Нью Рипаблик» и многими другими.

Этот документ, подписанный группой в 88 человек (в дальнейшем к ним присоединились сотни других), подчеркнул искренние и глубокие симпатии передовых людей США к Советскому Союзу, к его правительству.

На секретариате ССП СССР

Архив и музей имени Горького. — 750-летие смерти Руставели. — Дом советского писателя

Из многих вопросов, обсужденных на расширенном заседании секретариата ССП (19 и 21 апреля), первоочередными являются, несомненно, вопросы об организации архива и музея А. М. Горького и о подготовке к 750-летию смерти гениального грузинского поэта Шота Руставели.

И. К. Луппол информировал секретариат о работе по организации архива и музея Горького.

Основные массивы материалов, связанных с творчеством великого пролетарского писателя, сосредоточены в руках его наследников, а также в Литературном музее, во Всесоюзной публичной библиотеке им. Ленина и в ленинградской библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Самое беглое ознакомление с этими материалами дает удивительную картину не только трудоспособности Алексея Максимовича, его напряженной работы над словом, образом, композицией произведения, но и теснейшей его связи со страной, с народом. Десятки тысяч писем к Горькому лучше всего говорят о том, какое место занимал этот замечательный человек, пламенный друг трудящихся, в сердцах своих современников.

Собрать в одном месте все эти интереснейшие документы эпохи, проливающие яркий свет на лабораторную работу Горького, на его взаимоотношения с крупнейшими русскими писателями конца XIX и начала XX века, на редакторскую и общественную деятельность Алексея Максимовича до и после революции, документы, позволяющие глубже понять истоки и силу горьковского влияния на советскую литературу, — это ли не почетная и благодарная задача, стоящая перед всей нашей общественностью?

Далеко не все наши культурные организации усвоили полностью смысл и дух правительственного постановления об организации архива Горького.

Ведомственные интересы берут кое у кого перевес над общественными, и люди, одолеваемые ведомственным патриотизмом, всячески уклоняются от скорейшего выполнения правительственных директив о передаче архиву всех материалов, связанных с именем великого писателя. Эти люди стараются истолковать постановление правительства по-своему, исходя не из его принципиальных основ, а из «буквы», — для того, чтобы можно было таким образом ограничительно толковать и свои личные обязанности.

Не проявляет, например, особой склонности к «раздаче» с горьковскими материалами директор Литературного музея т. В. Бонч-Бруевич. Если в отношении литературных документов т. Бонч-Бруевич проявляет еще кое-какие колебания, то более твердую позицию он занял в вопросе об иконографических материалах, которые он не считает себя обязанным передать, так как вопрос этот не оговорен специально в правительственном постановлении. Бонч-Бруевич считает себя в праве не удовлетворить и претензии архива на оригинал фотоснимка «Горький и Чехов», мотивируя это тем, что в данном случае делается попытка проникнуть и на чеховскую «зону».

Еще больше трудностей встречается в вопросе об изъятии писем Горького из частных рук.

Очень многие писатели, по словам т. Луппола, наотрез отказываются расстаться с письмами Алексея Максимовича. Тут необходимо вмешательство ССП, необходимо общественное воздействие на членов союза.

О том, что можно добиться положительных результатов, свидетельствует хотя бы пример с т. Халатовым.

В. Ставский сумел при встрече с ним получить его согласие на передачу в архив 100 писем Горького, адресованных т. Халатову в период его руководства Гизом.

При организованном вмешательстве руководства союза можно будет в самые короткие сроки значительно увеличить фонды горьковского архива.

Ряд сложных задач возникает в связи с организацией музея им. Горького.

Тут встают вопросы привлечения горьковедов, устройства специальных семинаров для подготовки экскурсоводов и т. д. Но обсуждение этой части информации т. Луппола было затруднено тем обстоятельством, что до сих пор еще не разработан экспозиционный план музея.

Осуществление этой работы задерживалось вследствие гнусной политики бывшего директора музея, ныне разоблаченного врага народа, авантюриста и проходимца Крючкова.

Фактически функции директора приходится сейчас выполнять т. Лупполу, имеющему уже немалую нагрузку по руководству Институтом мировой литературы им. Горького.

По предложению секретариата тов. Луппол обязался представить более или менее детализированный план музея. На этой основе можно будет точнее определить круг мероприятий, которыми ССП должен включиться в работу по организации Горьковского музея.

Оживленный характер носило обсуждение плана, предложенного т. В. Гольцевым в связи с исполняющимся в конце года 750-летием смерти Шота Руставели.

Недостаток плана, по мнению т. Ставского и др., заключается в его универсальности, в неконкретности отдельных предложений. Но в целом он может лечь в основу деятельности Руставелевской юбилейной комиссии ССП СССР.

Перед последней стоит задача популяризации творчества одного из величайших гениев мировой поэзии, которым законно гордятся братский грузинский народ и весь Советский Союз.

Необходимо, чтобы наша пресса, — в особенности, литературная — систематически освещала ход подготовки к юбилею, чтобы журналы давали развернутые статьи о творчестве Руставели, чтобы на книжном рынке появились монографии и массовые брошюры о великом поэте.

Союз писателей должен всячески содействовать появлению переводов поэмы Руставели на языках братских народов.

Остро стоит вопрос об историко-литературной и критической работе к предстоящему юбилею. Придется немало потрудиться для того, чтобы Руставели предстал перед своими подлинными наследниками в своем подлинном виде, освобожденный от пут всякого рода националистических и вульгарно-социологических комментариев.

Грузинские меньшевики и белоэмигранты и сейчас из кожи лезут вон, чтобы использовать имя великого поэта в своей борьбе против большевизма, против грузинского народа.

Все эти попытки должны быть разоблачены самым решительным образом. Это зависит от того, в какой степени наша критика сумеет мобилизоваться, понять меру своей ответственности.

Секретариат утвердил президиум Руставелевской юбилейной комиссии ССП в составе: тт. Лахути (председатель), Ставского, Бажана, Тихонова, Гольцева (ответственный секретарь), Луппола и Татаришвили.

После неоднократных откладываний «до следующего заседания» секретариат поставил, наконец, вопрос о деятельности Дома советского писателя.

Из доклада директора ДСП т. Либермана, содокладов тт. Ф. Березовского и Карцева, обследовавших работу Дома, и выступлений тт. Леонова, Лидина, Кулагина и др. со всей очевидностью стало ясно: мы имеем дело с одним из очень запущенных уголков деятельности ССП. Дом писателя существует лишь в силу некоей инерции, а не заинтересованности московской литературной общественности.

Каковы должны быть функции ДСП?

На этот счет, как заметил т. Либерман, нет определенного мнения ни у руководства ССП, ни у самих писателей.

Дом предоставлен самому себе и работает в обстановке всеобщего равнодушия.

Все попытки создать вокруг ДСП прочный писательский актив неизменно терпели крах. Правление Дома, никогда не избиравшееся, а назначенное руководством союза, было абсолютной фикцией.

Разве не говорит сам за себя тот факт, что на заседание бригады по обследованию работы Дома явился, как сообщает т. Карцев, всего лишь один член правления — из 31!

Никакого контроля, никакой действенной помощи дирекция ДСП ни от кого не получала. Отсюда и те «качества», о которых все говорили на заседании секретариата: низкая квалификация людей, работающих в бюро пропаганды художественной литературы, отсутствие порядка в библиотеке, стихия в работе кружков и секций, теснота, отсутствие элементарных удобств, а иногда и сознательный отказ от широкого развертывания того или иного вида работы.

По признанию т. Либермана, ДСП держит почти в секрете от писателей тот факт, что он располагает библиографическим кабинетом, дающим справки самого различного характера. Да и как не держать в секрете, когда ни помещения, ни средств нет для того, чтобы удовлетворить широкую писательскую массу!

Основной недостаток доклада директора ДСП заключается в том, что он не сказал полным голосом о взаимоотношениях, существующих между ДСП и союзом, не привел фактов, иллюстрирующих безразличное отношение руководства ССП к Дому и писательский «абсентеизм», не рассказал о своих тщетных попытках привлечь писательскую общественность к работе в ДСП.

Мало чем помогли делу выступления тт. Лидина, Леонова, Эфроса и др.

Они пред'явили, правда, к Дому писателя весьма строгие требования, но не конкретизировали их.

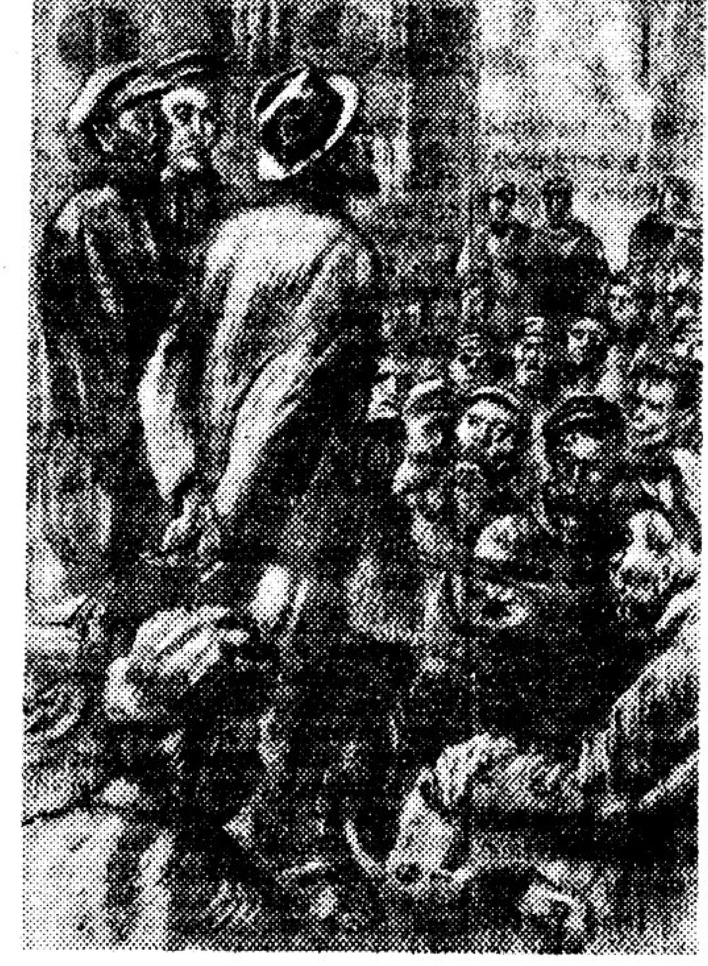
Л. М. Леонов выдвинул очень интересную идею организации в Москве смешанных клубов, которые обслуживали бы людей различных профессий. Тогда не приходилось бы писателям, архитекторам или ученым вариться в своем собственном соку, не приходилось бы устраивать торжественные встречи с представителями других профессий, — встречи, большей частью банкетные.

Мысль, бесспорно, заслуживающая внимания, но не исключающая необходимости создания и специализированных клубов.

Решающее слово должно быть предоставлено самому коллективу. Вот почему вполне целесообразно решение секретариата — созвать в пятидневный срок общее собрание писателей для обсуждения вопроса о ДСП.

На этом собрании, надо полагать, писатели скажут, наконец, четко и определенно — какой нужен им клуб, и выберут руководство ДСП, облеченное их полным доверием.

ДЕЛЬМАН.

Иллюстрации худ. Б. Иогансона к повести М. Горького «Мать» (Издательство «Academia»).

БЕСО ЖГЕНТИ

ПЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

За пять лет, истекших после опубликования исторического решения ЦК ВКП(б) «О перестройке работы литературно-художественных организаций», грузинская советская литература добилась бесспорных идейно-творческих успехов.

Изжитие вредных литературно-политических и методологических «традиций» грузинских авербаховцев и сплочение всех творческих сил грузинской советской литературы вокруг партии и задач социалистического строительства потребовало упорной и последовательной борьбы под знаком боевой задачи реализации исторического постановления ЦК от 23 апреля.

Было не так просто и легко преодолеть столь усердно культивируемую грузапповским руководством групповщину, которая зачастую давала возможность маскироваться и скрывать свое предательское существо агентуре классового врага на литературном фронте.

Внутри грузАПП долго маскировалась и боролась «за гегемонию» ныне уже разоблаченная и разгромленная контрреволюционная троцкистская группа П. Кикодзе и П. Наруушвили. Эта группа последышей троцкизма продолжала свою вредительскую работу и после ликвидации грузАПП. П. Кикодзе добрался даже до положения редактора литературной грузинской газеты, используя ее на протяжении нескольких месяцев для протаскивания в литературу враждебных троцкистских взглядов.

Классовый враг старался использовать организацию писателей Грузии для своих злодейских контрреволюционных целей. Враг народа, троцкист М. Торошелидзе одно время занимал пост председателя союза писателей Грузии. В писательской организации подвизались также не имеющие ничего общего с художественной литературой троцкисты С. Талаквадзе, Б. Бибиниешвили и Р. Каладзе.

Маскированная вредительская работа этой ничтожной кучки предателей народа, разумеется, была направлена и против осуществления задач, вытекающих из исторического решения ЦК от 23 апреля.

Путем преодоления такого рода препятствий грузинская советская литература, борясь за идейное сплочение и творческую активизацию основной массы писателей, добилась бесспорного творческого под'ема.

Грузинские советские поэты дали за последнее время ряд ярких документов, свидетельствующих о большом идейно-творческом сдвиге в области грузинской поэтической культуры. Изданный только что сборник «Грузинские поэты о Сталине и песни о Сталине», в котором участвуют все лучшие силы грузинской поэзии, показывает стремление грузинских поэтов к созданию песен, выражающих лучшие чувства и мысли советского народа, его беспредельную любовь и преданность великому вождю трудящихся — товарищу Сталину. Об этом свидетельствует и изложенное в стихах грузинскими поэтами П. Яшвили, Г. Леонидзе, Н. Мицишвили и Ал. Машашвили «Письмо трудящихся Грузии к великому вождю народов товарищу Сталину». В этом письме отображены героическое прошлое и светлое настоящее грузинского народа.

Новыми поэмами и сборниками стихов встречают 20-ю годовщину Великой Пролетарской революции грузинские поэты Г. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Чиковани, Ал. Машашвили, П. Яшвили, Н. Мицишвили, С. Эули, В. Гаприндашвили, И. Мосашвили, П. Самсонидзе, Ир. Абашидзе, Ал. Гомиашвили, К. Чичинадзе, К. Каладзе, К. Качахидзе и др.

В области художественной прозы за последние пять лет мы имеем ряд произведений, заслуженно завоевавших внимание и любовь широких читательских масс, ряд книг, отображающих героическое революционное прошлое нашего народа.

«Арсен из Марабды» — М. Джавахишвили, «Урдуми» — Ш. Дадиани, «Бата Кекия» — Д. Шенгелая, «Лицом к лицу» — А. Кутатели, «Долой кукурузную республику» — К. Лордкипанидзе, «Гвади Бигва» — Л. Киачели, цикл романов П. Сакварелидзе и П. Чхиквадзе, «Неткани» — Г. Базова, книги рассказов Н. Лордкипанидзе, С. Клдиашвили, А. Белиашвили — вот далеко не исчерпывающий список тех произведений, которыми обогатилась грузинская художественная проза за последние пять лет.

За этот период мы наблюдаем значительную творческую активизацию в области грузинской драматургии. Пьесы Ш. Дадиани, С. Шаншиашвили, Г. Базова, Г. Мдивани, П. Самсонидзе, П. Какабадзе, С. Мтварадзе и др. с большим успехом ставятся на сцене грузинских театров. Впервые за весь период существования грузинского театра сейчас его репертуар в основном строится на базе оригинальной драматургии.

Завоеванные грузинской литературой за последние пять лет значительные творческие успехи ни в какой мере не сравнятся с теми гигантскими успехами, которых добилась наша страна, а в частности, орденоносная Грузия в других областях жизни.

Пятая годовщина исторического решения ЦК усиливает и обостряет наше сознание этого отставания литературы. Борьба за преодоление этого отставания составляет основное содержание всей творческой работы коллектива грузинских писателей, который уже вступил в полосу перестройки своей работы на основе новых задач, выдвигаемых перед писателями эпохой сталинской демократии.

Гарантией успеха грузинской литературы в этой борьбе является та исключительная заботливость и помощь, которую осуществляет по отношению к грузинским советским писателям верный сын коммунистической партии т. Л. Берия.

В ССП БЕЛОРУССИИ

Перевыборы парторга

Недавно состоялось отчетно-перевыборное собрание партийной организации союза советских писателей БССР.

Собрание заслушало доклад о Пленуме ЦК ВКП(б).

Отчет о работе партгруппы ССП сделал т. Гурский.

Выступившие в прениях товарищи указали, что в результате политической слепоты и беспечности партгруппы в союзе несколько лет орудовала группа врагов народа — троцкистов и нацдемов.

Подлой деятельности врагов народа способствовало то обстоятельство, что руководство союза не знало людей, что оно было оторвано от писательских масс, в частности от беспартийных писателей, что в союзе отсутствовали большевистская критика и самокритика.

В парторганизации союза грубо нарушался устав партии. За два с половиной года парторг ни разу не переизбирался и лишь один раз отчитывался перед своими избирателями.

Собрание отметило и слабое руководство Минского горкома и Сталинского горрайкома КП(б)Б парторганизацией союза советских писателей.

Собрание признало работу парторганизации совершенно неудовлетворительной. Новым парторгом ССП БССР избран писатель **Мих. Лыньков.**

25-летие со дня смерти Г. Сундукяна

От нашего корреспондента

По случаю 25-летия со дня смерти крупнейшего армянского драматурга Габриэла Сундукяна, автора лучшей армянской комедии «Пепо», Президиум Центрального Исполнительного Комитета ССР Армении постановил: 1) назвать Ереванский краснознаменный драматический театр именем Г. Сундукяна, 2) издать массовым тиражом избранные сочинения драматурга, 3) организовать повсеместно в Армении доклады, а в городах Ереване, Ленинакане и Кировокане торжественные вечера и выставки, посвященные жизни и деятельности Сундукяна.

18 апреля в ереванском Доме культуры Литературным музеем открыта выставка, посвященная Сундукяну. Среди экспонатов представляет большой интерес фотоснимок недавно найденного документа, из которого видно, что предки драматурга были монастырскими крепостными и освободились только в 1841 году, откупившись от эчмиадзинского монастыря. Среди выставленной переписки — собственноручные письма В. Гюго и А. Дюма (сын), адресованные армянскому драматургу.

Музеем выставлены также рукопись бессмертной комедии «Пепо» и два перевода на русский язык, первый — сделанный Ю. Веселовским и поэтом Ал. Цатуряном, второй — поэтом В. Теряном. На рукописи второго перевода имеются редакционные пометки А. М. Горького, издавшего «Пепо» в 1916 г. в своем «Сборнике армянской литературы».

Среди рукописей находится оригинал знаменитого письма-завещания драматурга, опубликованного, по его воле, в газете «Мшак» на следующий день после его смерти. В этом письме Сундукян просил хоронить его без всяких почестей и поставить памятник не ему, а герою Пепо, как символу протеста против класса угнетателей.

К. М.

О. ВОЙТИНСКАЯ

Авербаховщина

Прошло пять лет со дня исторического решения ЦК о ликвидации РАПП. Пять лет — очень большой срок в нашу эпоху и в нашей стране. Многое из литературной борьбы тех лет забыто, многое предстало по-новому.

РАПП был массовой литературной организацией, сыгравшей в свое время положительную роль в собирании кадров советской литературы, в борьбе с враждебными влияниями. Однако, и в самом РАПП наряду с преданными народу писателями орудовали враги народа Авербах, Макарьев, Мазнин, Грудская и др.

Теперь ясно, что авербаховщина была троцкистской диверсией в литературе.

Авербах создал в РАПП антипартийную школку, пытавшуюся — и иногда успешно—использовать РАПП в своих целях. Это была своеобразная форма вредительства на идеологическом фронте.

Авербаховская школка пыталась противопоставить литературное движение партии. Открытое выступление против партии встретило бы резкий отпор народных масс, всей писательской общественности. Но делалось все, чтобы скрыть от писателей роль партии, роль ЦК в руководстве идеологической жизнью страны. Авербах и его подручные разыгрывали «вождей» от литературы.

Проповедывалась «генеральная линия РАПП», которой пытались подменить линию партии в литературе. Был выдвинут лозунг — «из большевиков сделаем рапповцев». Дошло до того, что упоминание о роли ЦК партии в руководстве литературным движением страны встречалось авербаховцами в штыки.

«Теоретиком» авербаховской школки был враг народа Карев. Авербаховская школка двурушнически протаскивала антиленинскую систему взглядов в литературе.

Создавалась видимость борьбы авербаховщины за линию партии, а на деле — утонченными, замаскированными методами боролись против партии.

Известно, что партия неустанно ведет борьбу против враждебных теорий в литературе. Известно, что партия подвергла уничтожающей критике меньшевистскую теорию переверзевцев. Сейчас уже нет нужды доказывать, что вульгарный социологизм Переверзева идет от эпигонства плехановских ошибок по вопросам искусства. Авербаховская школка примазывается к борьбе партии против переверзианства.

Она с шумом, с барабанным боем возвещает о своей борьбе против меньшевизма в литературе и одновременно под лозунгом — «За плехановскую ортодоксию» обрушивается на переверзевцев за то, что переверзевцы якобы «пытаются обосновать иную мысль: Ленин — вот истинный представитель и опора марксизма».

Пресловутый лозунг — «За плехановскую ортодоксию» был нужен авербаховской школке для антипартийной борьбы против ленинизма в литературоведении.

Маневр авербаховщины в борьбе с переверзианством — лишь один из приемов их двурушнической тактики. Авербаховская школка неоднократно возвещала о своей борьбе с троцкистскими и бухаринскими влияниями в литературе, а на деле протаскивала взгляды Троцкого и Бухарина.

Авербах якобы критиковал бухаринские взгляды на культуру и одновременно проповедывал бухаринскую теорию «гражданского мира».

Авербах якобы боролся против троцкизма — и протаскивал троцкистскую систему взглядов.

Из троцкистского арсенала был взят лозунг — «Союзник или враг», принесший немало вреда литературному движению.

Откуда явился этот антипартийный лозунг? Авербах стоял на позициях Троцкого в трактовке культурной революции. Он противопоставлял пролетарскую культуру — социалистической.

По Авербаху выходило, что в эпоху диктатуры пролетариата еще нет социализма, а стало быть и социалистической культуры. Истинное содержание взглядов авербаховской школки раскрывается в лозунге «срывания всех и всяческих масок».

Авербаховщина генерализировала этот лозунг по отношению ко всей советской действительности. Следовательно, по Авербаху, маски надо срывать не только с классового врага, но и с советского суда, семьи, государства. Так отрицание социалистического характера нашей культуры вело к завуалированной контрреволюционной пропаганде.

Авербаховщина была своеобразной формой двурушничества. Клялись именем партии, а на деле боролись против партии.

Звали писателей к овладению диалектическим материализмом, а на деле учили теории по писаниям Карева, Бухарина и Авербаха. Было сделано все, чтобы помешать писателям изучать Ленина и Сталина. Твердили о марксистском мировоззрении, а на деле подменяли марксистский анализ вульгарным социологизмом. Ни в одной статье Авербаха вы не найдете даже попытки разговора с писателем по существу. Боевая большевистская критика подменялась унылыми схематическими рассуждениями.

Авербаховщина принесла немало вреда, мешая консолидации сил советской литературы. Усиленно насаждались в литературе сектантство и групповщина. В такой атмосфере легче было проводить свою вредительскую работу.

Авербаховцы травили Маяковского и об'явили Горького «буржуазно-демократическим попутчиком». Утверждали, что Чернышевский выходит из «пределов искусства», а Бибик, несмотря на свой «политический меньшевизм»,—«пролетарский писатель», играющий «организующую роль и социально небесполезный сейчас».

Уход от жизни пагубен для настоящего художника. Вдохновение подменяется нарочитым раздражением фантазии, творчество — имитацией.

Писатель, оторванный от жизни, глух и слеп. Он не увидит и не услышит. В лучшем случае его творчество явится, по замечательному определению Белинского, «игрушкой праздных ленивцев». Страшная судьба для таланта. Что создали писатели, идущие не от жизни? Казалось бы, что они принесли жертву во имя искусства. На самом деле уход от жизни означает уход из настоящего искусства. История литературы является яркой иллюстрацией замечательного утверждения тов. Сталина.

«У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли».

Сила советской литературы — в органической связи со своим народом, в неустанной учебе у жизни. Реставраторы всех мастей мешали победоносному движению советской литературы, пытались оторвать ее от земли.

Вредительство авербаховщины заключалось и в том, что искусство противопоставлялось жизни, и что лучших наших писателей, связанных с жизнью, Авербах обвинял в эмпиризме. Спешно сочиняется вреднейшая теория о «третьем фронте» борьбы в литературе. Против кого? По собственному признанию Авербаха, — против основного ядра пролетарских писателей, против лучших кадров писателей. И все это прикрывается разговорами о специфичности литературы.

Тогда же «Правда» вскрыла антипартийный характер заявлений Авербаха. Авербах полемизировал с т. Мехлисом, утверждая, что т. Мехлис «в этом пункте обнаруживает недостаточное знание и понимание художественной литературы».

Авербах явно извращал историю искусства. Известно, что все гениальные произведения, выдержавшие суд времени, были кровно связаны с жизнью. Известно, что творческая биография классика социалистического реализма Максима Горького была неразрывно связана с биографией народных масс. Но Авербаху нужно было погрешить против истины для «теоретического» обоснования отрыва литературы от практики социалистического строительства. Это было также формой вредительства на идеологическом фронте.

Вечно живое учение Маркса — Ленина—Сталина сознательно подменялось игрой схоластическими понятиями, пустой фразеологией. Чего стоит этакое определение Авербахом литературного стиля — «это принцип диалектического соответствия всех частей между собой». Шаманство нужно было авербаховской школке, чтобы отвлечь писателя от изучения жизни и овладения большевистской теорией. Факиры от литературы выдумывали панацею от всех зол. Так была создана в эпоху обостренной классовой борьбы вреднейшая теория «живого человека».

Рецепт был прост. «Иными словами, — писал т. Афиногенов, — употребляя термин Станиславского, не искать доброго в злом, а выявить, что доброго было уже заложено в злом как его основание и сущность, что в результате процесса доброе стало законченным, в то время как в начале процесса оно было зародышевым чувством, принимавшим форму злого, сурового, скрытого в себе, и раскрывая то, что оно есть в себе, оно приходит к себе в законченном виде».

По Авербаху, «живой человек» представляет собою известное соотношение доброго и злого. Тов. Ермилов раз'яснял, что Каутский может быть суб'ективно симпатичным человеком, но об'ективно выполняет вредную социальную функцию.

В создании правдивых литературных типов не помогут никакие схоластические измышления. Действительность не знает таких отвлеченных категорий. Личные качества классовых врагов пролетариата на деле сводятся к прикрытию флером благородных слов корыстных стремлений эксплоататоров. С каких это пор в моральной оценке вычеркивается отношение к народу? В замечательной статье «Памяти графа Гейдена» Ленин разоблачил сущность такой отвлеченной, моральной оценки. «Это умиление гуманностью Гейдена заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева.

Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться» (Ленин, т. XII, стр. 9, 3-е изд.).

Теория «живого человека» извращала действительность, разоружала в борьбе с классовым врагом. Рецидивы этой теории существуют и поныне. Достаточно вспомнить о неудаче «Далекого» т. Афиногенова, о ряде пьес Киршона.

Авербаховщина нанесла немалый вред литературе, помешала росту ряда одаренных советских писателей. Авербаховщина выразилась не только в проповеди антиленинских взглядов. Авербаховской школке необходима была такая атмосфера, при которой глушилась большевистская самокритика. Действовали по методу щедринского градоначальника, основным девизом авербаховцев было «разорю» и «не позволю». «Такая манера, — писала «Правда» в марте 1932 года, — именуется зажимом самокритики, подменой идейно-воспитательной работы помпадурским администрированием».

Авербаховщина была своеобразной школой двурушничества, беспринципности и безнравственности. Можно и нужно говорить о нравственном облике двурушников.

Пусть плотно надета политическая маска, но двурушник всегда проврется. Он нечестен не только в большом, но и в малом. Тартюф — невинное дитя по сравнению с Макарьевым, Чичиков — образец порядочности и честности по сравнению с Мазниным. Разве они любили литературу? Нисколько. Литература была трамплином для совершения «карьеры». Сколько было создано дутых репутаций, сколько оклеветано преданных народу писателей. Авербаховщина стала нарицательным именем в литературе. В авербаховской школке возрос тип литератора, который ничего не знает, но обо всем судит. Такому человеку ничего не стоит сегодня об'явить писателя гением, назавтра уверять, что он — бездарность, что отец его вор, а про бабушку печатно выразиться невозможно.

Примеров немало. Троцкист Мазнин расхвалил «Бруски» Панферова. Панферов начал вести упорную борьбу против авербаховщины. Мазнин выступает с зубодробительной ругательной статьей о тех же «Брусках». Так поступали не только с Панферовым.

Сознательно культивировались и насаждались в советской литературе несоветские нравы. А мы не разглядели политического содержания литературного двурушничества. Мы не поняли, что это политический маневр врага.

Партия создавала кадры партийных и непартийных большевиков в литературе. Авербаховщина мешала этому, культивировала нечестность, беспринципность, лицемерие.

В такой атмосфере легче протаскивать враждебные теории.

Авербаховщина разбита, но не добита. Вреднее всего здесь самоуспокоенность.

Разве мало хамелеонов живет в нашей литературной среде? Жив в литературе и салтыковский помпадур, прошедший выучку в школе Авербаха. Его идеал — унтер Пришибеев. Разве не таковы были методы руководства т. Киршоном в секции драматургов, разве не такова позорная практика иных наших литературных организаций?

Некоторые люди, в прошлом принадлежавшие к авербаховской школке, предпочитают даже сейчас «стыдливо» отмалчиваться вместо честного признания своих серьезных политических ошибок. Разве можно признать в какой-либо мере удовлетворительными выступления Афиногенова и Киршона на московском собрании писателей?

Люди, продолжавшие по указке Авербаха свою групповую деятельность и после постановления ЦК от 23 апреля, не нашли ничего, о чем нужно было сказать писательской общественности.

Союз писателей недостаточно боролся с рецидивами авербаховщины. Идиотская беспечность привела к тому, что в литературе продолжительное время орудовали враги.

Традиции авербаховщины еще бытуют в части литературы. Об этом весьма ярко свидетельствуют последние события в Ленинградской организации писателей. Только в условиях тлетворного влияния групповщины, семейственности и зажима самокритики могли подвизаться Ральцевичи, Гореловы и Мустанговы.

Мы проглядели врага, мы еще не развернули с должной силой критику литературно-политических ошибок товарищей, в свое время пошедших за авербаховской школкой. До сих пор в союзе писателей гуляет гнилая теория, согласно которой беречь кадры—это значит не критиковать их ошибки. Примеров можно привести сколько угодно.

Почему «Знамя» до сих пор не дало развернутой критики неправильной линии своего критического отдела, поддержавшего в оценке Пастернака ту самую ориентацию в поэзии, которую хотел протащить на с'езде писателей Бухарин? Почему отмалчиваются люди, до последнего времени шедшие за Авербахом?

Товарищ Сталин указывал в заключительном слове на Пленуме ЦК: «Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится».

Нужно прямо сказать, что мы еще очень мало сделали в борьбе против боязни самокритики, против самоуспокоенности и идиотской беспечности.

Литературная общественность должна сделать практические выводы из предупреждения товарища Сталина.

«Щадить и сохранить кадры при помощи замазывания их ошибок, — это значит наверняка погубить эти самые кадры».

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

«Билет по истории»

— Товарищи, все города нашего Союза празднуют день рождения Владимира Ильича. Но мы в Ульяновске гордимся тем, что празднуем не только день, а и место его рождения. Ни один город не может похвастать, что видел в своих стенах детство величайшего в мире человека, а здесь даже камни, по которым мы с вами ходим на улице, хранят след его крепких маленьких детских ножек, вот в этом театре, где мы сидим, он тоже сидел со своими товарищами, сидел и в ложах, и на галерке, больше того — у него даже обязанность была ходить в кассу и покупать билеты для своих сестер, потому что в то время считалось неудобным покупать билеты самим гимназисткам. Куда бы, в какую часть города мы ни пошли, она хранит память об Ильиче. Возле «Старого Венца» он родился, на Покровской и Московской жил, на Свиягу бегал купаться, в теперешнем здании рабфака учился, на Покровском кладбище хоронил своего отца.

Наша с вами жизнь пришлась в такое счастливое время, когда еще живы люди, помнившие ребенка-Ленина, еще сохранились многие дома и уголки города точь-в-точь такими, как они были в его детстве.

Но время идет, разрушаются неживые свидетели, стареют свидетели живые, и через десятки лет потомки могут задать нашему поколению грозный вопрос. Они могут крикнуть нам «через бездну лет», как выражаются поэты: а что же вы сделали, современники, чтоб сохранить, собрать, описать все рассыпанные в родном его городе драгоценные памятки и свидетельства об Ильиче? Где ваши книги, писатели? Где ваши зарисовки, художники? Почему вы не уберегли каждую крупинку, каждый след, — ведь в любимом образе того, кто был освободителем человечества, дорога, важна, поучительна даже самая малая черточка!

Что нам, писателям, ответить на это? Хоть и немного, но кое-что мы все же начинаем делать. Поэты десятков народностей, населяющих наш Союз, слагают о Ленине на своих языках стихи и поэмы, писатель Алексей Толстой готовит о нем к двадцатилетию Октября пьесу. Выпала и на мою долю великая честь и огромной трудности задача — написать книгу о детских годах Владимира Ильича.

Вот вы сейчас слушали, затаив дыхание, тт. Нефедьева и Кузнецова — друзей детских игр и гимназической учебы Ленина. Полет мухи в зале был слышен, — так ловили мы каждое слово. Но одно дело — бесхитростно и безыскусно рассказать о том, что ты помнишь, чему лично был свидетелем, об отдельных чертах и фактах, и совсем другое дело — суметь собрать все эти воспоминания, собрать все, что было об Ильиче написано и рассказано, в датах и документах, и построить из них цельный образ его детства.

Нас, писателей, зовут «инженерами душ». Что это значит и как это понять в отношении стоящей перед нами задачи? Это значит, что мы должны вскрыть и показать психологическое развитие образа такого человека, как Ленин. Да, нам милы его детские игры и шалости, да, мы его, как живого, сейчас увидели — коренастого, рыжеватого мальчугана, необычайно резвого и веселого, нам отрадно знать, что он был похож на всех ребят, что в нем было много детского и общечеловеческого.

Но, товарищи, из этого самого коренастого мальчугана вырос мировой вождь пролетариата. И трудность задачи искусства, наша трудность, и заключается в том, что мы должны не только показать мальчика Ленина, но и правильно отгадать, правильно раскрыть диалектику развития его характера, рост и подготовление в этом мальчике того, кем он стал впоследствии.

Ведь характеры не выпекаются, как блины, в пять минут, сразу и неожиданно, — они медленно, в большой глубине, формуются и образовываются.

Какие силы формовали и образовывали его? В каких происшествиях его детства мы можем подсмотреть эту формовку характера? Уже свыше полугода в Ульяновске я ищу, собираю и обдумываю факты его детства. Сегодня мне хочется вам рассказать один случай, с виду как будто и незаметный и даже прошедший мимо его биографов. Этим случаем я собираюсь закончить первую часть моей книги, и он же помог мне найти для нее название.

Дело было пятьдесят лет назад, правильней сказать — ровно пятьдесят лет назад, — такая же ульяновская весна, как сейчас, но только не 1937, а 1887 года. И в такое же весеннее утро Владимир Ильич пошел в гимназию держать выпускной экзамен по истории. Чуть ли не накануне он узнал о смерти своего старшего брата.

Ленин с детства очень любил Александра Ильича.

Когда он был маленький, над его страстной привязанностью даже подтрунивали в доме. О чем его, бывало, ни спросишь, он, не задумываясь, отвечает: «Как Саша».

За обедом его взрослые спрашивают: «Володя, с чем хочешь кашу, с молоком или с маслом?» А он отвечает: «Как Саша». И только, может быть, первый раз в жизни, узнав о гибели брата, он воскликнул: «Нет, не таким путем надо итти, мы пойдем не таким путем» — решив и поняв что-то глубоко внутри по-своему, не «как Саша». Так вот этот дорогой его сердцу брат убит царскими палачами и вдобавок самой страшной формой смертной казни: через повешение. Что должен был испытывать семнадцатилетний мальчик? Плакал ли он перед гимназией, сжимается ли у него сейчас сердце? Его товарищи ничего этого не могли видеть, потому что Ильич был хоть и бледен, но как обычно спокоен и сдержан.

И вот он подходит к длинному столу, за которым сидят экзаменаторы, протягивает руку и берет из груды свернутых в трубку бумажек свой билет.

В жизни случаются иногда изумительные совпадения, каких мы, писатели, просто не смеем выдумать, чтоб нас не обвинили в неправдоподобии.

На счастье история сохранила для нас билет, вытянутый в тот день Ильичем. Он напечатан, между прочим, и в первой книге «Молодой гвардии» за 1924 год, в статье Бонч-Бруевича «Документы о юношеских годах В. И. Ульянова (Ленина)» среди прочих бумаг, из'ятых из симбирского школьного архива.

> УЛЬЯНОВ ВЛАДИМИР
>
> Борьба плебеев с патрициями. Воспитание детей в Риме. Богдан Хмельницкий и присоединение Малороссии. Федор Алексеевич. История южных славян в средние века. Разделение церквей. Елизавета Английская. Карл IV. Причины появления реформации.

Вот он:

Историю учили в то время по учебнику Иловайского, известного своим черносотенством и бездарностью. Он всю историю так подавал, чтоб это было угодно царю, чтоб это воспитывало в духе самодержавия и православия. Но факты, как любил позднее говорить Ильич, — упрямая вещь. И факты, события истории, Иловайский вынужден был как-никак, а все же передавать.

Тому, кто мало знает историю, перечень вопросов на билете, вытянутом Ильичем, почти ничего не скажет. Но грамотного в истории человека этот сухой перечень прямо поразит!

Как будто нарочно, как будто обдуманно, в билете вопросы так собраны, что через всю мировую историю взяты узловые моменты, в которых очень ярко и интересно разворачивается классовая борьба. Знаток истории может по этому билету показать весь исторический процесс как борьбу классов.

Начиная с древнего Рима, где плебеи (класс бесправных и неимущих) упорно, шаг за шагом, 127 лет боролись с патрициями (классом эксплоататоров), пока не отвоевали себе гражданских прав, и кончая «причинами эпохи Реформации», то-есть открытием Америки, ростом богатств, первоначальным накоплением капитала и выходом на сцену нового передового класса — буржуазии, получившей в Лютере нужного борца против феодализма,—весь этот необычайный билет, вытянутый Ильичем на экзамене, не может не навести воображение на борьбу классов и значение массы в революционной борьбе. Он напоминает и о восстаниях казачества, и о первых крестьянских восстаниях в Германии, под предводительством Фомы Мюнцера. Он вводит и в сложную борьбу хищнических интересов империалистов на Балканах и в Турции, подготовлявшую будущие народные взрывы.

Самым перечнем этих событий вскрывая более глубокие движущие силы истории, нежели борьба одиночек с временными властелинами, билет, вытянутый Ильичем, как будто откликнулся на его резкое ощущение не такого, как у брата, а другого пути борьбы.

Мы знаем, что Ленин отвечал на экзамене превосходно.

Товарищ его, Михаил Федорович Кузнецов, тут присутствующий, помнит, что ответ Ленина прозвучал еще более разительно после отвечавшего на экзамене до него посредственного ученика, Толстого. Конечно, Ильич говорил то, что требовала программа. Но мы можем поручиться, что, мобилизуя в памяти, как это всегда делается на экзамене, все содержание билета целиком и связывая, для более плавного перехода, одно событие с другим, Владимир Ильич не мог не проделать это с более обостренным чутьем истории, с пробудившейся целенаправленной ненавистью в сердце и поэтому и с большей политической осознанностью, уже сказавшейся в его отклике на гибель брата.

Речь, произнесенная на общегородском собрании комсомола г. Ульяновска.

Заслуженная артистка республики А. К. Тарасова в роли Анны Карениной (МХАТ СССР им. Горького)

Все ли благополучно у поэта Луговского?

Письмо в редакцию

Я читал много стихов советских поэтов: хороших и плохих. Читал в последнее время статьи и речи, где говорилось об отставании советской поэзии. При этом мне всегда казалось странным, что «отставание» показывалось на примере одного-двух наших поэтов, словно специально выделенных для этой цели.

Найти несколько плохих строчек можно почти у каждого поэта, в то время как у нас ищут их далеко не у всех.

Дело, конечно, не только в отдельных плохих строчках.

У меня создалось впечатление, что некоторых поэтов вообще ограждают от всякой критики, услужливо оберегая их мнимый авторитет и дутую непогрешимость. Это плохая помощь поэту и плохая услуга читателю.

Вот, например, В. Луговской—поэт, которого принято считать чуть ли не самым благополучным. Его, в отличие от других, издают и переиздают, без всяких поправок, сразу в нескольких издательствах.

Но все ли у него так благополучно? Например, я, обыкновенный, рядовой читатель, взял в библиотеке его пухлый однотомник, изданный Гослитиздатом. И тут же обнаружил в нем уйму нелепостей, напыщенной несуразности, безвкусицы.

Судите сами. Что, например, может обозначать:

Сто семьдесят пять сантиметров
ума,
Достоинства и хандры.

Где тут бред, где поэзия?

В «Письме к республике», которое, как мне помнится, в свое время прославлял пресловутый Авербах, Луговской пишет:

Наполни приказом (!) мозг мой
И ветром (!) набей мне рот,
Возьми меня в переделку
И двинь, грохоча, вперед.

В стихотворении «Кухня времени» мы найдем такие обороты:

Матросский наварный борщок
Октябрей,
Крутой кипяток мировых
Революций

или:

И мы в этом вареве **вспученных**
дней
В **животном** рассоле костистых
событий.

Это не единичные примеры вольного обращения с русским языком.

Но не в этом главное.

Наши критики, кричащие о бдительности, могли бы найти в этой книге нечто похуже, чем нелепость, безвкусицу и словоблудие, чего они не осмелились заметить. Луговской в ряде стихов проявляет довольно своеобразное **отношение к родине.**

В стихотворении «Дорога», давая обзор истории русского народа, в которой он видит лишь «плен Игоря», «Малютиных палачей» да «лик рублевской троицы», поэт бесприютно восклицает:

И нет еще стран на зеленой земле,
Где мог бы я сыном пристроиться.

Луговской забыл, что «пристроиться» сыном нельзя. И он чувствует себя не сыном, а рабом своей родины:

И глухо стучащее сердце мое
С рожденья в рабы ей продано.
Мне страшно назвать даже имя ее,
Свирепое имя родины.

Нужны ли комментарии?

Эти вредные антинародные стишки датированы 1923—24 гг., они включены в книгу, вышедшую в 1935 году и поступившую в библиотеки в начале 1936 года.

Кто знает, не попробует ли Луговской включить эту позорную антинародную стряпню в новые свои переиздания?

А. ПОСТНИКОВ
инструктор «Трансэнергокадры» Подольского механического завода

РАЗВАЛ В ЧУВАШСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

(От нашего корреспондента)

Какими произведениями писатели орденоносной Чувашской АССР отметят 20-ю годовщину Великой Октябрьской революции? Почему за последние два года чувашские писатели не дали ни одного более или менее значительного произведения? Какие преграды надо преодолеть, чтобы романы и пьесы чувашских авторов не лежали по шести и больше месяцев у редакторов и консультантов непрочитанными? Как оздоровить душную атмосферу в союзе писателей Чувашии, которая настолько сгущена, что сила и энергия писателей растрачиваются исключительно на обсуждение организационных вопросов?

Собрание писателей Чувашии, созванное в Чебоксарах 10 апреля, продолжалось 4 дня. Писатели впервые поставили все наболевшие вопросы и вскрыли ряд серьезных политических и организационных ошибок руководства.

Писатели тщетно ждали от руководства четкого, политически заостренного доклада на основе большевистской самокритики.

Отчетный доклад председателя ССП Чувашии т. **Данилова** и его заключительное слово вызвали у писателей полное недоумение.

Республиканская печать («Канаш» — на чувашском языке, «Красная Чувашия» — на русском) согласилась с общим мнением собрания и назвала доклад председателя ССП «сухим, формальным, несамокритичным».

Стиль работы правления ССП Чувашии отчетливо характеризуют такие, например, признания руководства.

Д. Данилов (председатель союза) сказал:

— От лица правления союза писателей и от своего имени заявляю, что мы не знаем, с какими произведениями придем к 20-летию Октября, какой спектакль пойдет в Академическом театре 7—8 ноября, какие песни мы будем петь на демонстрациях.

А. Золотов (член правления) сознался:

— Художественной литературы не читаю. Некогда!

К слову надо сказать, что Золотов является редактором литературного журнала «Сунтал».

Руководство союза советских писателей Чувашии не имело мужества признаться в грубых политических ошибках, допускаемых им на протяжении почти трех лет. Больше того, член правления Золотов услышанную им на собрании критику деятельности правления об'явил «групповщиной», что вызвало всеобщее возмущение писателей.

Руководство союза преступно бездействовало. Это дало возможность врагам народа беспрепятственно творить свои грязные дела.

Троцкистско - националистические агенты фашизма — эти подлые убийцы и шпионы — проявили особый интерес к вопросам литературы, культуры, искусства и школьного строительства Чувашской АССР.

Троцкистский террорист Моторин вместе со своей «школой» (Кутяшев, Элле и др.) организовывал «научные экспедиции» по изучению истории религиозных верований поволжских народов, насаждая своих агентов на территории республик Поволжья.

Некоторым членам ССП Чувашии усиленно покровительствовали троцкистские выродки — Коваленко, Грудская, Селивановский. Известный националист Юман, которого, к слову сказать, в союз протащил Д. Данилов, своими националистическими произведениями и всей своей деятельностью оказывал вреднейшее влияние на молодежь.

С легкой руки тех же людей из правления ССП был протащен в члены союза кулацкий поэт В. Рзай, которого руководители союза не только защищали, но и держали в редакции журнала «Илема литература».

Чувашгиз, редакции журналов «Илема литература», «Сунтал» и газета «Красная Чувашия» оказывали приют подлым врагам народа, троцкистам М. Федорову, Киплинскому, Кутяшеву и др.

Мы указали лишь незначительное количество фактов. Но и этих фактов достаточно для того, чтобы понять всю безотрадность положения в писательской организации Чувашии, созданного при правленцах И. Кузнецове, Д. Данилове, А. Золотове.

За последние два года в Чувашской республике произошли экономические и культурные сдвиги огромной важности. Но все это прошло мимо писателей.

Если ко всему этому прибавить, что процентов сорок членов союза Чувашии имеет очень отдаленное отношение к литературе, что за последние два года в союз не принято ни одного растущего, талантливого писателя, что всякое выступление с критикой деятельности правления квалифицировалось как выступление против партруководства и об'являлось групповщиной, то вывод напрашивается сам собой: дальше оставлять у руководства подобное правление невозможно.

Это самое руководство, являющееся одновременно и «центром» критической мысли, способствовало не только развалу организации, но и дезориентировало советскую общественность в вопросах художественной литературы. Ничего не стоило, например, И. Кузнецову, назвать первую работу В. Краснова классической, сравнить автора с Максимом Горьким, а заодно причислить к классикам и националиста Юмана.

Ярким образцом «деятельности» руководства правления ССП Чувашии было его отношение к литературным конкурсам.

К 15-летию Советской Чувашии (1935 г.) был об'явлен конкурс на лучшее литературное произведение. На организацию конкурса были отпущены значительные средства. Но члены жюри не только не читали присылаемых рукописей, но и не интересовались ими.

Только спустя год были рассмотрены рукописи, причем премии были выданы за неполноценные и незаконченные произведения, и в первую очередь премии получили сами члены жюри. На собрании выяснилось, что премированы были даже не написанные произведения (например, пьеса Максимова-Кошкинского).

Чтобы оправдать свою бездеятельность и преступную политическую близорукость, руководство союза пустило в ход такие теорийки:

— Чувашская литература не дала больших произведений, монументальных и значительных. Да она и едва ли может дать их в ближайшее время. Этот пробел надо заполнить переводами произведений классиков — русских и мировых.

— Из молодых писателей надо отобрать не больше 3—4 человек. С остальными работать не следует.

Бездушное, бюрократическое отношение правления ССП Чувашии к нуждам писателей, к задачам литературы, безразличие и полное благодушие ко всему тому, что делается на идеологическом фронте, семейственность и взаимное покровительство, голое администрирование и попытка ярлычками «групповщик», «беспринципный фразер» и т. д. прикрыть свое банкротство, антипартийное отношение к порученному делу — вот в чем причина развала чувашской писательской организации.

Собрание писателей Чувашии, длившееся четыре дня, показало, как правильно отмечено в принятой резолюции, что участники его сделали только первый шаг к развертыванию критики и самокритики, что самокритика еще не стала методом работы писателей Чувашии.

Крупнейшим недостатком собрания надо считать то обстоятельство, что творческие вопросы остались за пределами обсуждения.

А. АРШАРУНИ

А. ЭРЛИХ

Илья Ильф

1.

Новый библиотекарь с первых же дней взялся за пересмотр книжного фонда и каталогизирование. Он был высок, худ, остро выступали скулы его. Некоторые книги возбуждали в нем особенный интерес. Прислонившись к полкам, он надолго застывал, листая страницы.

В большинстве случаев это оказывался сборник правил для железнодорожников разных специальностей—путейцев, тяговиков, связистов, эксплоатационников. Когда один из нас, недоумевая, спросил, что интересного можно найти в сухом перечне профессиональных правил, библиотекарь простодушно ответил, что ему никогда не приводилось еще видеть эти книги; новый интересный мир; склад драгоценных сведений.

Редакция газеты «Гудок» задумала в ту далекую пору выпускать еженедельный литературно-художественный журнал. Для первого номера уже подобраны были рассказы, стихи, очерк. Нехватало фельетона. Несколько авторов написали по фельетону, но пришлось забраковать их все без исключения. В. Катаев об'явил тогда:

— У меня есть автор. Ручаюсь!

Спустя два дня он принес рукопись и горячо рекомендовал ее:

— Мировая вещь! Я же говорил.

Фельетон в самом деле оказался очень остроумным и значительным. Фамилия автора—короткая и странная—ничего не говорила нам.

— Кто это Ильф?

— Библиотекарь. Наш. Из Одессы,—не без гордости пояснил Валентин Катаев.

Мы настояли, чтобы редактор подобрал другого работника для библиотеки и перевел Ильфа в газету, в «обработчики» четвертой полосы.

Страница, заполняемая хлесткими и короткими письмами рабочих, находилась в ведении И. С. Овчинникова, пожилого человека с детским, старательным почерком. К концу дня на столе у него скапливалось до двух десятков коротеньких фельетонов, в пять-десять газетных строк каждый; веселые, остроумные, гневные, ядовитые—они грозили всем чинушам на транспорте, беспечным хозяйственникам, бессердечным, заносчивым, чванным бюрократам, зловредным пошлякам, буйствующим хулиганам, всему грязному и темному, что мешало или могло помешать нарождавшемуся новому быту.

Полоса держала под страхом точного прицела всех работников транспорта. Тот, кто, провинившись, попадал на четвертую страницу, приобретал печальную и обидную известность на долгие сроки. Фельетоны запоминались. Они больно кусали и крепко жгли.

2.

«Гудок»—пора нашей молодости. Ильф жил тогда вместе с Олешей в одной из комнат при редакции на Чернышевском переулке, кустарно приспособленной под жилье.

Неуютная, бивуачная жизнь. Видимо, не очень любил свое тогдашнее пристанище Илья Ильф: по вечерам он всегда появлялся в «ночной редакции» при типографии, где дежурил кто-нибудь из редакционных работников и выпускающий готовил макеты верстки. Ильф пристраивался в укромном месте с книгой или рукописью и работал.

Интересующимся он охотно показывал занимавшие его книги, очень часто содержание их могло показаться неожиданным и интерес к ним—необ'яснимым: справочники, мемуары министров, старые иллюстрированные журналы времен англо-бурской войны или Севастопольской кампании; все представлялось ему интересным, всюду он мог находить крупицы полезных сведений.

Если же кто-нибудь хотел проникнуть в тайну его собственных записей, он, конфузясь, мял и прятал исписанную бумагу: знакомый каждому автору стыд за несовершенство, слабость и непременную наивность первых опытов обдавал жаром и краской его щеки.

Никому неизвестны его ученические работы. Только немногим его одесским товарищам привелось услышать в 19-м или 20-м году юношеские выступления Ильфа в литературном кафе, у входа в который рукописная афиша обещала посетителям «один бокал аршада и много стихов».

Худенький юноша в пенснэ, волнуясь, декламировал стихи в прозе, стихи многозначительные, но непонятные, стихи возвышенного, декламационного строя, но тронутые нарочитой таинственностью и даже мистикой.

Кто мог думать тогда, что спустя несколько лет из наивного декламатора выработается автор с такой точной, ясной и конкретной направленностью, автор-сатирик, без промаха разящий смехом пошлость, глупость, невежество, чванство, бессердечие, безмятежность, лень, скуку!

Может быть, «четвертая полоса»—многолетняя близость к рабочим письмам с их непременной конкретностью обличений — и послужила главным формующим началом ильфовского мышления. В молодости ум гибок и легко поддается самым крутым поворотам, диктуемым честностью и разумом.

Редакция перекочевала с Чернышевского переулка на Солянку, в колоссальный дом ВЦСПС. Комната четвертой полосы, где работал И. С. Овчинников со своими мастерами коротких ударов, превратилась в своеобразный клуб. Сюда захаживали молодые литераторы и художники, чтобы обменяться новостями, поговорить о театре, о новых постановках, о новых картинах, о новых произведениях литературы.

Сюда собирались в свободную минуту журналисты, работники своего же «Гудка», сотрудники других газет и журналов.

Случалось нередко, сюда буквально затаскивали из длиннейших коридоров ВЦСПС, как сотами наполненных всевозможными ведомственными изданиями, бродячих и невежественных халтурщиков, чтобы вдоволь поиздеваться над ними; многие из них послужили прообразом знаменитого автора «Гаврилиады» в романе «Двенадцать стульев».

И. С. Овчинников, громко завтракая излюбленной репой или морковью, напрасно пытался унять энергию своих подопечных сотрудников.

Не только многие мысли, многие замечания, высказанные Ильфом в годы гудковского созревания, получили свое превосходное и развернутое выражение в книгах его.

Мы находим здесь нередко и отдельные слова, сравнения, эпитеты, метафоры, которые возникали у него в часы общения с друзьями; мы слышали их устно, мы находили их затем в печатном выражении.

Однажды, стоя у окна своей комнаты в Чернышевском переулке, Ильф долго провожал взглядом девушку в короткой, по тогдашней моде, юбке.

— Смотри, у нее ноги в шелковых чулках, твердые и блестящие, как кегли,—сказал он.

В «Двенадцати стульях» мы находим всю эту фразу—«молоденькая девушка с ногами твердыми и блестящими, как кегли».

«Гудок» — пора молодости, годы накопления опыта, наблюдений, мыслей, сюжетов, эпитетов, сравнений, метафор, годы созревания, развития сатирического мышления, конкретной творческой направленности и мастерства.

Евг. Петрова еще с нами не было. Но мы знали о нем давно, еще с 1923 года, как об авторе очень смешного рассказа о следователе по делам бандитов (одна из юношеских профессий Е. Петрова) и как об авторе многих острых фельетонов и юмористических рассказов в журналах «Крокодил» и «Красный перец».

Евг. Петров появился в «Гудке» с 1926 года, вернувшись из Красной армии. У него был свой богатый опыт, свои обширные наблюдения. И вскоре от соединения двух сил, от органического слияния двух богатств, двух дарований, двух накопленных духовных ценностей, родилось счастливое и чудесное авторское содружество—И. Ильф и Е. Петров.

3.

У Ильфа была маленькая комнатка на троих. Некий энтузиаст-механик жил по соседству и, скупая на Сухаревом рынке всевозможное металлическое барахло, строил с великим громом у себя в комнате мотоциклетку. У Петрова вовсе не было комнаты и он временно ночевал у брата.

Столь неблагоприятные жилищные условия заставили обоих авторов писать свой первый роман в вечерние часы, когда пустела редакция, замолкал весь гигантский дом на Солянке и в коридорах его, тускло освещенных слабыми лампочками, наступала тишина.

Сюжет «12 стульев» сам по себе носит только служебную роль в романе. История двенадцати стульев — лишь скрепляющая нить, на которую нанизано ожерелье превосходных и, в сущности, вполне самостоятельных новелл.

В романе мало выдуманных фигур, и лишь очень немногие главы его не являются гротесковым отображением встреч и соприкосновений Ильфа и Петрова с их соседями или случайными спутниками.

При всей подчеркнутой гротескности похождений Остапа Бендера, почти все события и все лица почерпнуты из самой жизни, из самой действительности.

Сатирический, отлично натренированный ум авторов находил в обыкновенных, никем не замечаемых, повседневных явлениях и в обывательской посредственностью меченных лицах благодарный материал.

Под их пером чудодейственно преображались и события и лица. Серость и обыденность превращалась в презираемую пошлость. Незаметные, или, во всяком случае, незамечаемые люди, умело скрывающие свою истинную сущность под благополучной внешностью, становились вдруг вопиющими уродами.

Многочисленные эпизодические действующие лица—и в «12 стульях» и в «Золотом теленке»—неизмеримо ярче и ценнее главного, ведущего сюжет, персонажа — Остапа Бендера. Весь блеск и непринужденность авторской лепки не могут скрыть традиционности этого образа. Он заимствован почти полностью из плутовских романов. Зато в подавляющем большинстве других персонажей нет и признака бумаги. Они сотворены из живой плоти, и живая кровь течет в их жилах. Обширная галлерея типических фигур, выхваченных острым сатирическим пером из повседневности, действует на страницах обоих романов.

Тут и Эллочка-людоедка, и бесстыдный халтурщик Ляпис-Трубецкой, и «кипучий лентяй» Полесов, и бюрократ Полыхаев с его набором резиновых резолюций, и старик Синицкий—сочинитель ребусов и загадок с идеологическим содержанием, и великолепный интеллигент Васисуалий Лоханкин, разговаривающий ямбом, и Авессалом Владимирович Изнуренков, остряк по профессии, безотказно действующий по заданиям юмористических журналов, и провинциальный фельетонист, «известный всему городу», некогда подписывавшийся «Принц Датский», и, сообразно новым временам, изменивший псевдоним на «Маховик», и герой профсоюзных «общественных нагрузок» Егор Скумбриевич, и многие, многие другие щедро рассеяны по страницам обеих книг.

Мы знали многих лиц, послуживших прообразами для этой пестрой галлереи человеческой накипи. Зарождение и развитие образа у Ильфа и Петрова всегда определялось так: начальная реакция—гнев, протест, возмущение; в бурлении и в пене этих чувств возникал сатирический или гротесковый образ; конечная реакция — целеустремленность, боевая направленность, стремление сокрушить, убить, разгромить, рассеять, изменить все ненавистное, подлое, мелкое, пошлое в людях.

Столь деловая, почти оперативная направленность творчества могла органически возникнуть лишь у художников, воспитанных советской газетой. И отсюда же, из этой оперативной целеустремленности художественного мышления, естественно установилась связь Ильфа и Петрова с «Правдой», родоначальницей большевистской печати.

Если в романах своих оба художника не теряли своего публицистического первородства, то в фельетонах, публикуемых на страницах «Правды», и в публицистических очерках о своем последнем путешествии по Америке, они сохраняли культуру высокого художественного мастерства.

4.

— Под суд! Бред сивой кобылы!

Ильф часто произносил эти слова, отбрасывая только что прочитанный им новый роман, или свежий номер журнала.

— Под суд! — восклицал он, поблескивая стеклами пенснэ.—Написал фальшивую, лживую книгу? Под суд! Как ты смеешь писать о том, чего не знаешь? Морочить читателя? Издеваться над ним? Писать книги только затем, чтобы заполнить их одной только видимостью? Бредом сивой кобылы? Под суд! Выпустил плохую картину, без всяких признаков мысли, воодушевления, страсти? Под суд!...

Он не выносил чистеньких работ, добросовестных упражнений в чистописании, выдаваемых за творчество. Роман одного из своих друзей, талантливого и кроткого человека, Ильф разнес беспощадно, уничтожающе, помянул свои излюбленные выражения «Под суд!» и «Бред сивой кобылы», потому что роман был сплошь выдуман, в нем отчетливо сказывалась высокая писательская техника, но не было и капли настоящей жизни; автор обманывал своего читателя видимостью литературного произведения и писал о том, чего не знает.

Сам Ильф никогда не писал о незнакомых вещах. Чрезвычайно требовательный к себе, он много читал и много работал, много ездил по своей стране и зарубежным землям, многое наблюдал и изучал, прежде чем творчески из'ясняться перед читателем. Он презирал также литературу готовых фраз, штампованную литературу, в которой за привычными и обязательно бесспорными словами тщательно бывают укрыты и вялость мысли, и безмятежность чувств.

— Под суд!—говорил он.—Видно, что человеку смерть как не хочется писать. Зачем же он пишет? Бросай перо, ступай работать в какой угодно другой области. Выбирай! Выбор велик. Работай, живи, радуйся. Но не ври, не насилуй себя, не паразитируй, не скучай, а не то... Под суд!!!—восклицал он, делая движение головой, будто собираясь бодаться.

Замечательно полное, органическое, талантливое, честное, действенное, творческое содружество нарушила смерть.

Ильф и Петров глубоко сроднились друг с другом, одинаково думали и чувствовали, выработали в себе совершенно единый характер мышления и языка.

Мало кому известно, что последнюю книгу «Одноэтажная Америка» они только заготовляли вместе, а писали врозь. Десять глав написал один, десять глав другой и, только шесть попрежнему созданы вместе. Никто, даже самый близкий человек, не сможет безошибочно определить, какие именно главы сделаны Ильфом и какие Петровым.

Два человека жили одной жизнью

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1787 год. Родился Л. Уланд.

150 лет назад, 26 апреля 1787 г., родился Людвиг Уланд, крупнейший немецкий поэт-романтик швабской школы. В своих ранних произведениях Уланд целиком отдается романтической грусти и элегическим описаниям природы. Этот лирический романтизм быстро сменяется у него идеализацией прошлого.

Уланд тщательно изучает средневековую литературу и народное творчество.

Мотивы народной поэзии начинают все чаще звучать в его произведениях. Выпущенный Уландом в 1815 году первый сборник его стихов пользовался огромным успехом и переиздавался десятки раз.

Начиная с 1816 года в творчестве Уланда заметное место занимают политические темы. Его поэзия приобретает ярко выраженный либерально-республиканский характер.

Впоследствии Уланд совсем отказывается от поэтического творчества и целиком посвящает себя политической деятельности. Для современной Германии до сих пор не утратили актуального значения известные выступления Уланда в защиту свободы печати. Уланд неоднократно избирался членом ландтага.

В 1853 году он отказывается от прусского ордена, мотивируя свой отказ тем, что получение награды от прусского правительства противоречит его политическим убеждениям. Умер Уланд в 1862 году. На русский язык его произведения неоднократно переводились Жуковским, Фетом, Вейнбергом и др.

1784 год. Первое представление «Женитьбы Фигаро».

27 апреля 1784 г. состоялось первое представление «Женитьбы Фигаро» Бомарше. С тех пор эта пьеса, вот уже более 150 лет, остается одним из самых веселых и остроумных, одним из самых динамичных спектаклей театрального репертуара. Разумеется, основная политическая идея пьесы, высмеивавшей накануне Французской революции уродливые проявления феодальных порядков, давно уже утратила свою остроту. Но в свое время постановка «Женитьбы Фигаро», как заявил Людовик XVI, была равносильна разрушению Бастилии.

Бомарше был уже знаменитым писателем, когда написал «Женитьбу Фигаро». После выдающегося успеха «Севильского цирульника» новую его пьесу ждали с огромным интересом и в буржуазно-демократических кругах и в аристократических салонах Парижа.

Не получив цензурного разрешения, Бомарше распространил в публике наиболее острые эпизоды пьесы в рукописных списках. В течение 5 лет, пока длилась борьба с цензурой, интерес к пьесе превратился в настоящую манию, охватившую всю столицу. Людовик XVI понял, что дальнейшее запрещение пьесы принимает скандальный характер и еще более разжигает политические страсти. Пришлось, скрепя сердце, пьесу разрешить.

Премьера «Женитьбы Фигаро» превратилась в событие огромного политического значения, взволновавшее едва ли не всю страну. Наэлектризованная долгим ожиданием публика еще за сутки окружила театр Французской комедии и не расходилась. Все барьеры возле театра были сломаны, стража смята. Спектакль имел успех, небывалый за всю предшествовавшую историю французского театра.

При переполненном зале было дано подряд 68 представлений. Зрители искали и находили политические намеки в каждой реплике актеров. Весь спектакль, от начала до конца, воспринимался как едкий, остроумный протест против деспотизма и феодальных привилегий. Наполеон впоследствии говорил, что постановка «Женитьбы Фигаро» была «революцией уже в действии».

1852 год. Арест Тургенева и мытарства «Муму».

28/16 апреля 1852 г. И. С. Тургенев был арестован на месяц в наказание за опубликованную им в Москве статью о Гоголе. Петербургская цензура запретила эту статью только за то, что Гоголь был назван в ней великим писателем. После опубликования статьи в Москве (само собой разумеется, с разрешения цензуры) Тургенев тем не менее был признан чуть ли не государственным преступником и посажен на месяц в с'езжую, а затем выслан в деревню.

Месяц, проведенный под арестом, не пропал даром. Тургенев написал в камере одну из лучших своих повестей — «Муму». Не было, однако, уверенности в том, что удастся ее напечатать. Из деревни Тургенев пишет И. С. Аксакову: «У меня есть небольшая вещь, написанная мною под арестом, которой и приятели мои довольны, и я, — я готов ее вам послать, но, во-первых, мне кажется, ее не пропустят, во-вторых, не думаете ли вы, что мне на время надобно помолчать?» Аксакову не удалось напечатать «Муму». Тогда Тургенев переслал повесть в «Современник», где она и была напечатана.

Едва номер «Современника» вышел в свет, как в министерстве народного просвещения спохватились, что цензура не должна была пропускать «Муму». Управляющему министерством А. С. Норову была представлена докладная записка, излагавшая содержание повести. Возмущенный рецензент писал: «Рассказ под заглавием «Муму» я нахожу неуместным в печати, потому что в нем представляется пример неблаговидного применения помещичьей власти к крепостным крестьянам... Читатель, по прочтении этого рассказа, непременно исполнится должен сострадания к безвинно утесненному помещичьим своенравием крестьянину...».

Управляющий министерством одобрил соображения рецензента. «Щекотливое содержание этой повести, — заметил он, — а еще более тон, в каком описывается рабская зависимость крепостных людей от прихотей и своенравного произвола помещицы, легко может повести читателей низшего сословия к порицанию существующего в нашем отечестве отношения крепостных людей к своим владельцам, которое, как одно из государственных учреждений, не должно подлежать осуждению частного лица».

В результате этого обмена мнений провинившемуся цензору было категорически предложено: рассматривать строже представляемые статьи для журналов и быть вообще осмотрительнее и осторожнее.

Академическое издание народных песен

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР по поручению Всесоюзного комитета по делам искусств готовит большое **трехтомное издание песен народов СССР.**

Для записи народных песен институт организовал специальные экспедиции.

Некоторые из экспедиций вернулись уже в Ленинград, они привезли с собой богатый песенный материал, записанный в Мордовской, Удмуртской и Башкирской республиках.

Особенно интересны песни о Ленине и Сталине, новые колхозные песни и частушки. В Мордовской республике записана неизвестная до сих пор старинная песня о Пугачеве.

На фильмофон записано много песен о старой и новой жизни, сложенных 60-летним саамом — колхозником из Иоканьги (Кольский полуостров).

Летом для записи песен выезжают экспедиции в Среднюю Азию, Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь.

Амантай хозяйничает...

В Научно-исследовательском институте языка и литературы Башкирии

В Башкирии с большим нетерпением ждали выхода из печати сборников устного народного творчества. Богатый башкирский фольклор представляет собой огромную историческую и культурную ценность. Сборники эти включались в издательский план Башгиза ежегодно, но в свет не выходили.

Чем же об'яснить такое положение?

Материалы собираются уже давно. В ящиках и папках Научно-исследовательского института языка и литературы Башкирии скопилось огромное количество образцов устного творчества. Фактический руководитель института Амантай неизменно отвечает: «Нельзя без соответствующей научной обработки, комментариев, предисловия и примечаний выпускать сборники», но не торопится проделать эту работу.

Наконец, Научно-исследовательский институт опубликовал первый выпуск своих «ученых» трудов — сборник башкирских пословиц.

Нельзя ни в коем случае отрицать положительное значение этого сборника. Собиратели пословиц потратили много времени и труда на тщательное изучение этого материала.

Обычно эти сборники выходят или без указания авторства, так как автором является сам народ, или указывается фамилия составителя. Мы знаем, что сборник был составлен группой работников института. Надо было указать фамилии этих составителей. Каково же было наше удивление, когда мы на обложке сборника прочли: «Г. Амантай. Башкирские пословицы»! Какое имел право Амантай издавать этот сборник за своей подписью, когда ему, как автору, принадлежат всего лишь предисловие и научная классификация пословиц?

Все пословицы (их в сборнике 908) разбиты на 20 отделов.

Последний — двадцатый — раздел под названием «Разное» об'единяет восьмую часть всех пословиц сборника. Сюда должны войти все те пословицы, которые, по мнению «автора», не могли войти ни в один из 19 тематических отделов. По какому-то «научному» принципу в 20-й раздел отнесены такие, например, пословицы: «Бездельник придет, остановит работу дельного», «Не суйся в ту работу, где тебе нет работы», «Не тянись в ту работу, в которой не достаешь ростом» и т. п.

О «научности» классификации материала, сделанной Г. Амантаем, говорят и другие разделы сборника.

Например, в 12-м разделе читаем: «Лающая собака не кусает», «Злобу свою сделай конем, а ум сделай поводом», «Вина есть и в коне и в оглобле», «Если собаку послать посланником, то она приведет рать (волков, врагов)». Эти пословицы ученый комментатор отнес к разделу «Животноводство».

С таким же «научным» основанием отнесены пословицы: «Что посеешь, то пожнешь», «Слепой курице все — пшеница»—к разделу «Земледелие»; «Солнце не бывает без пятен», «Маленький камень может разбить голову», «Сколько ни чисти медь — золотом не будет», «Вода собирается в яму» — к разделу «Природа и явления природы»; «Кузнец не имеет топора, а продавец денег», «Если телега сломается — дрова, если бык умрет — мясо» — к разделу «Техника» и т. д., и т. п.

Эти примеры можно умножать почти бесконечно.

Почему, например, пословица «Старая одежда не хранит тепла» была помещена в разделе «Одежда», а не в разделе «Природа и явления природы», а пословица «Из единственного камня не построишь город» попала в раздел «Дом, мебель, посуда», а не в раздел «Техника» — известно лишь одному ученому классификатору.

Уже этих фактов достаточно, чтобы присмотреться к работе института. Но есть и другие, которые говорят не только о халтурном, недобросовестном отношении Г. Амантая к делу публикации устного народного творчества, но и о том, что в Научно-исследовательском институте языка и литературы Башкирии неблагополучно. Об этом нужно сказать полным голосом.

Почему до сих пор институт не сдает в печать сборника устного народного творчества? Почему к ценнейшему материалу института имели доступ враги народа? Кто сейчас сидит в кабинетах и что там делает?

Вот назревшие вопросы, требующие немедленного ответа.

Башкирский народ, создавший свой литературный язык, нуждается в толковом словаре. Над созданием словаря тот же институт «работает» много лет, но когда будет издан словарь — никто не знает.

Институту было поручено составление учебных програм для средних школ по литературе и языку. За подписью все того же Г. Амантая вариант програм был составлен, но в него «забыли» включить раздел о сталинской Конституции.

Наконец, литературный материал института долгое время «обрабатывал» враг народа, агент фашистского гестапо террорист Пригожин. Руководство института высоко ценило «авторитетные» высказывания троцкистского мерзавца.

Всех этих фактов достаточно для того, чтобы срочно и всерьез был поставлен вопрос о состоянии Научно-исследовательского института языка и литературы Башкирии.

А. А.

«Мы из Профиздата...»

Товарищ Сазонов работал главным бухгалтером в издательстве «Советский писатель» три года. Работал, как утверждают его сослуживцы, не плохо. Но вот в издательстве появился новый председатель правления т. Лазарь. Не понравился ему Сазонов, и он назначил главным бухгалтером своего сотрудника по Профиздату т. Боброва. Через некоторое время заведующий производственным отделом т. Мирингоф, проработавший в издательстве со дня его основания, подает т. Лазарю заявление об увольнении, которое было немедленно удовлетворено.

На его место, как голубь на давно облюбованный шесток, прилетел из Профиздата т. Шахмистер. За Шахмистером потянулся его непременный секретарь т. Бессонова.

С «благословения» т. Лазаря т. Шахмистер развивает «работу по оздоровлению» штата издательства... своими людьми. На должность заведующего издательской частью назначается бывший директор типографии Профиздата т. Павлов. Павлов в свою очередь «переманивает» к себе заведывать гаражом работника Профиздата т. Смолова.

Общими усилиями новых работников выживается из «Советского писателя» заместитель заведующего производственным отделом т. Макеев, коммунист с 1918 года, хороший работник и общественник. Но ему т. Шахмистер не давал работать по специальности, часто используя его на второстепенной, не связанной с его обязанностями работе. Макеев ушел из издательства «по собственному желанию». На его место поставили калькулятора т. Романова. Так постепенно за год работы т. Лазаря в «Советском писателе» перешло к нему с места старой его службы несколько сотрудников и столько же примерно ушло из издательства.

«Вред такого обывательского подбора кадров очевиден. Такой подбор, во-первых, свидетельствует о недоверии к местным кадрам. В свою очередь местные кадры относятся недоверчиво к руководству, сложившемуся таким семейным путем. Подобная практика плодит подхалимство и значительно снижает уровень самокритики» (**«Правда»**, передовая статья от 21 марта 1937 г.).

И действительно, т. Лазарь жаловался на то, что его приход в издательство был встречен сотрудниками «в штыки», между тем, факты говорят, что именно он, т. Лазарь, отнесся к старым работникам издательства недружелюбно.

В обстановке взаимного недоверия протекает работа издательства и по сей день. Не случайно здесь пущена была ироническая поговорка: «Мы—из Профиздата»... Атмосфера взаимного недоверия, проявляемого новыми, приглашенными т. Лазарем из Профиздата товарищами и старыми кадрами издательства, семейственность и отсутствие большевистской самокритики наложили отпечаток на всю работу «Советского писателя».

Печальные итоги истекшего 1936 года, когда одни только **убытки по браку достигли 523.279 рублей,** не были учтены и в этом году руководством издательства.

Бракованные книги продолжают поступать и теперь. Продавцы книжных магазинов, а нередко и сами покупатели, приносят в издательство выпущенные недавно книги—Тынянова «Пушкин», в которой недостает страниц, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» с перепутанными листами и другие небрежно изданные книги.

Производственный план, так же как и в прошлом году, не выполняется.

Издательство должно получить до конца года 159 рукописей, фактически оно обеспечено 80 произведениями. Когда и от кого будут получены остальные рукописи — никто точно сказать не может.

Важнейшие политические вопросы руководства и редакторства ни разу не обсуждались на производственных совещаниях издательства. Не подумал этого сделать и партком «Советского писателя» (секретарь М. Юрин). И все потому, что желали жить «в мире и согласии».

На общем собрании сотрудников издательства т. Лазарь признал, что плохая работа издательства проистекала, главным образом, из-за «полного отсутствия самокритики, атмосферы семейственности, беспечности, благодушия, недостаточной бдительности, нечуткого отношения к людям и т. д.». (Выборка из протокола общего собрания сотрудников издательства от 1 апреля 1937 г.).

Доклад т. Лазаря о работе издательства, хотя и явился запоздалым признанием ошибок, все же был достаточно самокритичным.

Следуя его примеру, развязались языки и у редакторов. Смелее критиковали свое руководство рядовые сотрудники издательства.

На собрании люди впервые открыто признавали свои недочеты в работе и выдвигали ряд дельных предложений, способствующих улучшению работы издательства. Как будут осуществляться в «Советском писателе» эти благие намерения, покажет ближайшее будущее.

Нужно рекомендовать издательству еще шире развернуть большевистскую самокритику и на основе социалистического соревнования добиться, наконец, подлинного перелома в его деятельности.

А. ГОБЕР

Заслуженный артист республики Н. П. Хмелев в роли Каренина (МХАТ СССР им. Горького).

КНИГИ

ГОСЛИТИЗДАТ

✱ **Новая книга Эгона Эрвина Киша** «Путешествие к антиподам» сдана издательству переводчицей В. Станевич. Эта книга написана Кишем в результате его поездки в Австралию.

✱ **Сборник стихов революционного испанского поэта Рафаэля Альберти** готовится к изданию и будет выпущен в этом году.

✱ **Вышли в свет избранные произведения крупного армянского поэта Ованеса Туманяна** — лирические стихи, поэмы, легенды, басни, сказки.

«ACADEMIA»

✱ **Выпущен пятый том полного собрания сочинений Генриха Гейне.** В этот том вошли новеллы «Бахерахский раввин», «Флорентийские ночи», статьи «Романтика», «Немецкая литература Вольфганга Менцеля», «Письма из Берлина» и др. Перевод произведений сделан под редакцией Я. Металлова.

✱ **Роман Анатоля Франса «Боги жаждут»** вышел в переводе Б. Лифшица. В книге — многокрасочные рисунки художницы Т. Мавриной.

✱ **«Божественная комедия» Данте** издается в переводе Д. Мина. Одновременно издательство готовит для издания новый перевод «Божественной комедии».

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ.

✱ **Избранные произведения Велемира Хлебникова** вышли под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями Н. Степанова.

✱ **Третьим изданием выпущен сборник статей и речей А. М. Горького.** Содержание сборника: статьи «О пользе грамотности», «О литературе», «О языке», «Литературные забавы», доклад Горького на первом всесоюзном с'езде советских писателей, речь на пленуме правления ССП 7 марта 1935 г. — «Наша литература — влиятельнейшая литература мира» и др.

Опера «Мятеж»

Оперу «Мятеж» на сюжет повести Дм. Фурманова заканчивает композитор Л. Ходжа-Эйнатов. Либретто к опере написано Б. Петровым и В. Волжским. Сюжетная канва повести в основе сохранена. Заново написаны пролог и эпилог оперы. Это будет музыкальная драма, рисующая смертельную схватку двух классово враждебных миров. Новая опера будет поставлена в Ленинградском малом оперном театре к двадцатилетию Октябрьской социалистической революции. Музыкальный руководитель спектакля — Б. Э. Хайкин.

Письмо в редакцию

На украинском языке вышла книга рассказов одного из лучших еврейских советских новеллистов — Ноаха Лурье. Выход этой книги послужил поводом для появления в украинской «Литературной газете» статьи под названием «Искаженная действительность».

Иначе как погромной эту статью назвать нельзя, потому что она воскрешает осужденные партией методы рапповской дубинки.

Автор укрылся под псевдонимом «Тиж», что по-украински значит: те же. Псевдоним этот звучит поистине символически: да, это — «те же», еще сохранившиеся представители недобросовестной, нечестной критики, которой нет дела ни до интересов подлинной советской литературы, ни до подлинного товарищеского отношения к советскому писателю.

Понадергав несколько цитат, извратив смысл рассказов, автор названной «статьи» хочет убедить читателя в том, что книга Н. Лурье искажает нашу действительность.

Каждый критик имеет право высказывать свое мнение, даже если оно несправедливо и неверно. Но, хихикая и клевеща, рецензент украинской «Литературной газеты» берет под сомнение всю литературную деятельность т. Ноаха Лурье, честного и талантливого советского писателя, работающего в еврейской литературе более 25 лет.

Мы, еврейские советские писатели, выражаем по этому поводу свое глубокое возмущение.

ПЕРЕЦ МАРКИШ, А. ГУРШТЕЙН, Э. ФИНИНБЕРГ, И. ДОБРУШИН, С. ГАЛКИН.

Извещения

27 апреля состоится общее собрание членов Дома советского писателя.

Повестка дня: 1. Отчет о работе ДСП. 2. Выборы правления ДСП.

Явка всех членов ДСП обязательна. Собрание состоится в Доме советского писателя в 6 ч. вечера.

Члены и кандидаты ССП и жены писателей участвуют в собрании и в выборах правления ДСП с правом решающего голоса.

27 апреля в 6 ч. вечера состоится общее собрание секции переводчиков ССП для выборов в Бюро (ул. Воровского, 52, к. 8).

Вход по членским и кандидатским билетам ССП.

Необоснованный оптимизм

О ДЕЛАХ ГОСЛИТИЗДАТА

В зале ССП СССР, где проходило собрание актива Гослитиздата, — 250 мест. На собрание было приглашено около 500 человек.

Однако уже в первый вечер зал на одну треть пустовал.

В последующие вечера количество свободных мест непрерывно возрастало.

Причину этого странного равнодушия сотрудников издательства и лиц, связанных с ним, к собранию понять не трудно.

Стоило только послушать два-три выступления, и картина становилась ясной: широкой развернутой самокритики на гослитиздатовском активе не было. Значительная часть выступавших преимущественно говорила об ошибках своего соседа, товарища по работе. При этом факты только назывались, регистрировались, а не анализировались.

О себе, о недочетах своей деятельности участники прений предпочитали не упоминать, а если и говорили, то весьма неохотно.

Показательны в этом отношении выступление редактора Концевой, которая прямо заявила — «ошибок у меня нет», и речь заведующего периодсектором т. **Барима**, вспомнившего из своей долгой и богатой ляпсусами практики всего лишь одно упущение.

На собрании имели место и деловые, интересные выступления (например, тт. **Марголина, Мозолькова, Серебрянского, Луппола, Безруких** и др.). Эти выступления в какой-то степени «компенсировали» низкий уровень самокритики на собрании, который об'ясняется не только тем, что издательские работники еще не научились говорить «во весь голос» о своих недочетах, с большевистской прямотой вскрывать их и извлекать из них необходимые уроки, но также и характером доклада директора Гослитиздата т. Накорякова.

ТИШЬ И ГЛАДЬ

Доклад т. **Накорякова** справедливо был назван т. Безруких «делаческим». Построил его докладчик по принципу «не тронь меня, и я тебя не трону».

Спокойно, не углубляясь в детали, не называя имен, докладывал т. Накоряков собранию о недочетах гослитиздатовской деятельности.

Основной тон доклада был таков: в Гослитиздате все благополучно, все хорошо. Ну, правда, были недостатки и политического и хозяйственного характера, но они ничтожны по сравнению с достижениями. Хороших книг выпущено ведь гораздо больше, чем политически вредных и просто плохих.

Затем собранию было доложено, что редакторы в издательстве в общем хорошие. И врагов пролезло не так много. Правда, сотрудничали в редакциях журналов и в некоторых секторах троцкисты, но ведь только трое из них — Мазнин, Воронский, Кавтарадзе—служили в штате, и т. д. и т. п.

Нельзя сказать, что докладчик совершенно не говорил о недостатках работы Гослитиздата. Он вынужден был отметить, что издательство **плохо работало с писателями,** не организовало их, не руководило ими, что самокритика не была развита, что редакции мало занимались молодыми авторами, что подчас, решая вопрос об издании книги, руководство больше взирало на имя автора, чем на качество произведения.

Однако, перечислив все эти недостатки, т. Накоряков пытался об'яснить их «головокружением от успехов». Это странное в данном случае утверждение совершенно правильно было раскритиковано тт. **Орловым, Безруких, Бобрышевым** и др.

И на самом деле, какие особенные успехи имеются в активе Гослитиздата? Книг в стране нехватает. Сотни тонн бумаги затрачено на выпуск вредных и ненужных произведений. Внешним оформлением гослитиздатовские издания, особенно массовые, не блещут. Редкая книга выходит без опечаток. Издаются книги медленно. Журналы, как правило, поступают к подписчикам с большим опозданием. Ну, какие уж тут успехи!

Два года назад по инициативе А. М. Горького издательство приступило к работе над альманахом «Творчество народов СССР». До сего времени Гослитиздат не сумел выпустить ни одного тома, а должно было выйти самое меньшее — **4—5.**

Недавно Накоряков отдал приказ издать первый том альманаха к первому мая. Но в результате нечеткой работы национального сектора (заведующий т. **Мусаэлян)** том выйдет не раньше июня.

Провалило издательство план юбилейных изданий к 20-летию Великой Пролетарской революции: сборник произведений писателей и работников канала Москва—Волга, а также книга рассказов советских писателей об Октябре в срок не выйдут.

Но что говорить об издании новых вещей. Юбилейным планом намечалась книга произведений о Великой социалистической революции, созданных писателями за 20-летие. И эти— уже написанные — рассказы гослитиздатовские работники не могли собрать.

Нет, не в успехах дело! Потеря некоторыми ответственными товарищами необходимой каждому партийному и непартийному большевику политической бдительности, организационная неповоротливость, неоперативность, расхлябанность отдельных звеньев аппарата — вот основные причины ошибок Гослитиздата.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

О том, каких больших размеров достигает подчас расхлябанность руководителей издательства, свидетельствуют хотя бы получившие печальную известность гослитиздатовские «молнии».

Юбилеи у нас бывают ведь не каждый день. Предусмотреть важнейшие из них и подготовиться к ним своевременно не трудно.

Однако это не делается в издательстве.

О юбилее Добролюбова в Гослитиздате вспомнили буквально накануне. Забили тревогу. Подняли на ноги весь аппарат. Спешно выпустили книгу, которая к читателю в юбилейные дни все же не попала.

Такая же картина повторилась во время юбилея Герцена.

Плохо подготовилось издательство к пушкинским торжествам. Оно далеко не полностью реализовало намеченный план пушкинских изданий.

Большая часть вины за это падает на главную редакцию. Но вот беда — главной редакции в издательстве фактически не существует. Главный редактор т. Луппол в издательстве бывает редко, Гослитиздат — его **пятая** штатная работа. Его заместитель т. Беспалов больше года болеет. Остается один помощник главного редактора, т. Марголин, который, ясно, не может заменить двух руководящих работников. Фактически за редакциями никто не следит, никто ими не руководит, и работают они каждая на свой риск и страх.

В секторе иностранной литературы подвизался в 1936 году в качестве внештатного рецензента враг народа Фридлянд. Некоторые рецензии уже тогда позволяли судить об антисоветском характере его убеждений. Этого, однако, не заметили ни руководители сектора, ни главная редакция.

Троцкистка Красная монополизировала рецензирование переводов с польского языка. Главная редакция также не поинтересовалась работой этого «автора».

ИЗДАТЕЛЬСТВО И ПИСАТЕЛИ

Писателей на активе было мало.

Выступавшие не без основания усмотрели в этом факте проявление «недовольства издательством со стороны писателей». Да иначе и нельзя это об'яснить. Гослитиздат не стал творческим, об'единяющим писателей центром. Писатели связаны с ним мало. Они приходят в издательство, главным образом, для того, чтобы предложить новое произведение или узнать, как продвигается рукопись.

Гослитиздат не направляет писательскую работу, не концентрирует внимание авторов на нужных советскому читателю темах, не оказывает им творческой помощи.

И. К. Луппол признается: «я должен прямо сказать, что беседы главного редактора с авторами носят организационный характер. Содержание моих бесед с писателями на 80—85 процентов — это разговоры о договорах, об условиях, о гонораре, тираже, переиздании, об отсрочке.

Творческие вопросы возникали лишь тогда, когда создавался «конфликт», когда рукопись получала отрицательную оценку».

Не воспитывает издательство и молодых авторов, не ищет новые писательские кадры. Тт. **Меньшиков, Белкина, Г. Фиш, Колесень** и др. привели факты бюрократического отношения издательства к начинающим авторам.

С рецензией редактора Тарсиса на присланный переводчиком Владимирским перевод «Кобзаря» Шевченко ознакомил собрание т. Марголин. Рецензия составлена в грубых, резких выражениях, вроде — «читаешь эту галиматью и удивляешься»...

Но замечания автора рецензии недалеко ушли от галиматьи: «Нельзя писать,—поучает Тарсис переводчика,—«червонноликая молодка», так как молодкой называют молодую курицу»...

Едва ли подобными мордобойными приемами можно привлечь в издательство новых людей.

★

В прениях по докладу т. Накорякова высказалось **45** товарищей.

Выступавшие отмечали также слабую работу редакций журналов, слабое развертывание в издательстве соцсоревнования, плохую постановку политико-воспитательной работы и т. д.

Отмечая недостаточно высокий уровень многих высказываний, мы все же не можем не признать, что продолжавшиеся пять дней прения дали материал для будущей перестройки Гослитиздата.

Актив единогласно одобрил постановление Пленума ЦК ВКП(б) об исключении из партийных рядов врагов народа Бухарина и Рыкова.

В. ТОНИН.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—26122. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.